

SIDUS

LIT RPG

ВЛАДА СВОЕГО ПЕРВЫЙ

ДАНИЯР
СУГРАЛИНОВ

Данияр Саматович Сугралинов

Сидус. Вида своего первый

Серия «Сидус», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67831938

Аннотация

В двадцать втором веке человечество вошло в контакт с внеземными цивилизациями. Для обычного человека мало что изменилось. Планета по-прежнему жила своей жизнью, а настоящих инопланетян почти никто так и не увидел.

Соседей по галактике не интересовали ни наши полезные ископаемые, ни жизненное пространство, ни что-либо еще. Подобного в космосе столько, что и тысяче поколений не освоить. К тому же это невыгодно – уж слишком далеко располагается Солнечная система, на самых задворках галактики.

В общем, инопланетяне не летали к нам, а мы – к ним.

Но немногие все же туда добрались. В том числе я.

Я – вида своего первый.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Вида своего первый	33
Глава 2. Спустя десять лет	51
Глава 3. Начало пути	72
Глава 4. Космопорт	94
Глава 5. Три варианта	107
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Данияр Сугралинов

Сидус. Вида своего первый

Пролог

Боевой экзоскелет марки «Джаггернаут» едва умещался в пещере, и я отключил силовое поле, чтобы не ощущать давления горной породы. Манипуляторы и верхняя часть то и дело цепляли стены и потолок, и приходилось двигаться очень осторожно и по минимуму, все больше – стоять истуканом, бдеть.

Плюс ко всему уже десятый час я варился в собственном соку, истекая потом. Что-то было не то с теплообменом скафандра.

Подавив нереализуемое желание почесать спину, я посмотрел на четырех исследователей. Те копошились у таинственной плиты, виновной в моей командировке сюда, на Марс. Черная матовая поверхность плиты, частично поглощая свет прожекторов, возвращала его в виде тусклого мерцания, отчего казалось, будто серебристые скафандры ученых фосфоресцируют.

Я сморгнул каплю пота, подумав, что и с влагообменом тоже непорядок, и, когда вернемся на базу, надо бы показать экзоскелет технику. «Если вернешься, – вкрадчиво за-

шелестел голос паники. – Вдруг со скафандром что-то серьезное?»

Но поддаться панике – подвести команду, потому я терпел. Разминая мышцы, покрутил шеей. Хрустнули затекшие суставы, и одновременно лязгнул металл – экзоскелет частично повторил мои движения.

В узком тоннеле, недавно вырытом чуть правее плиты, рокотал бурильщик. Робот уже зарылся метров на сорок, а вибрации от бурения, отдававшиеся от камня и просачивающиеся даже сквозь экзоскелет и костюм-скафандр, стали привычными. Казалось, что они и во сне будут меня преследовать.

Прислушавшись, я заметил изменение в ритме: вибрации стали протяжней и сильнее. Как надсадный звук мобильной пилы, наткнувшейся на что-то тверже, чем дерево, даже заломило в зубах. Возможно, каменная порода, окружавшая плиту, местами была намного плотнее обычной, словно впитала часть загадочных свойств. Поэтому бурильщик работал медленно, а техник часто менял сломанные алмазные буры.

– Эй, кэп! – раздался голос Джоанны в динамиках шлема. – Долго нам еще тут торчать? Не пора ли яйцеголовым сворачиваться?

– Совсем вы разболтались, рядовой Хаец, – проворчал я в ответ. – Торчать будем столько, сколько нужно.

– Виновата, капитан Райли, но мы не в армии! – издала смешок Джоанна. – Так что там с яйцеголовыми?

Я ответил не сразу. «Тр-р-р-у-у-у!» – прокатилось вибрациями по корпусу экзоскелета, и вдруг бурильщик затих. Я ждал, что сейчас он возобновит работу, но пауза затянулась.

– У них что-то происходит... Кажется, они потеряли бурильщика, – сказал я наконец и подобрался, глядя, как один исследователь сунул голову в лаз. – Короче, на базу пока не собираются. Расслабься, Джо, ученые тоже люди, к тому же не очень выносливые. На питательных картриджах долго не протянут.

– Вас поняла, капитан, – вздохнула Джоанна. – Ждем, пока у них закончится питание.

– Или кислород, – добавил Алекс Волошин, ее сегодняшний напарник. – Быстрее бы на базу – пожрать, выпить, послушать, как наш командир играет на губной гармошке...

– Не засоряйте эфир, – ответил я, улыбаясь.

Джоанна Хаец всегда была нетерпелива, а от такой унылой смены наверняка тихо выла. Вот же работа у нее – дни напролет стоять истуканом у входа в тоннель на дне марсианского кратера! Завтра надо будет заменить ее с Волошиным на Рамиреса и Квона, которые сейчас несут службу рядом со мной.

Отключившись, я подошел ближе к ученым – мало ли что случится. Вряд ли из темноты тоннеля выскочит какой-нибудь монстр, но повредить скафандр или что-то сломать себе эти люди вполне способны. Были уже прецеденты даже за то

недолгое время, что я здесь проработал.

В этом регионе Красной планеты – близ кратера Скиапарелли – всем заправляла Первая Марсианская компания. Ее усилиями здесь раскрылся силовой купол колонии людей и велась добыча гелия-3. Когда шахтерский робот наткнулся на загадочную плиту, еще одним направлением деятельности компании – засекреченным, разумеется, – стали археологические раскопки.

Каменная плита оказалась не плитой, а кубом, причем не каменным, а созданным из неизвестного науке материала. Две недели миниатюрные исследовательские дроны-кро-ты пробуривались по периметру, пытаясь найти способ проникнуть внутрь куба. Тщетно, объект был монолитным, а его поверхность поглощала все виды излучений, не позволяя себя просветить.

Профессор Джексон Ли, доктор астрофизики, как и его коллеги, предполагал, что находка имеет отношение к древней цивилизации, когда-то жившей на Марсе. Они называли эту сгинувшую цивилизацию Предтечами, а найденный артефакт – Кубом Предтеч.

Ученые частенько забывали переключаться на зашифрованный канал и вели разговоры в общем, а потому я был в курсе их обсуждений. Мы с моими людьми (космическими пехотинцами Джоанной Хаец, Хосе Рамиресом, Алексом Волошиным и Ароном Квоном) работали в частной охранно-военной корпорации «Стражи Инкорпорейтед». Собственная

служба безопасности Первой Марсианской охраняла участки, где добывался гелий-3, а для охраны исследовательской группы наняли нас.

Найм «стражей» был не прихотью руководства Первой Марсианской, а необходимостью. На Земле саботаж, диверсии и промышленный шпионаж наказывались очень жестоко. Здесь же правительству просто не хватало рук, а потому корпорациям защищать себя нужно было самим, причем не только друг от друга, но и от авантюристов и преступников всех мастей, хлынувших на Марс в поисках легкого способа разбогатеть. Ведь если найти участок с высоким содержанием гелия-3, оформить на него права, а потом перепродать корпорации – считай, ты миллионер. На Земле гелия-3 немного, а он сейчас нужен всем, чтобы обеспечить энергией цивилизацию, которая за последние полвека, начав активно колонизировать Солнечную систему, стала особенно прожорливой.

Видимо, потенциальных налетчиков пугал один вид космических пехотинцев, облаченных в боевые экзоскелеты, потому здесь мой отряд откровенно скучал. Если кто и появлялся у кратера Скиапарелли, то тут же испарялся...

Быстрее бы закончились раскопки! Деньги платят, конечно, хорошие, но как же хочется домой! Там меня ждут любящая жена Джослин и двухлетняя дочь Микки.

При мысли о них я улыбнулся и начал прикидывать, сколько заработаю по контракту с Первой Марсианской и что

привезу дочери в подарок. Забавно – скажи мне кто лет пять назад, что Картер Райли, гроза девчонок и душа любой компании, станет примерным семьянином, я бы рассмеялся. Однако сейчас, в свои двадцать семь, осознал, что семья важнее всего. Даже друзья-сослуживцы и любимая работа отошли на второй план...

От приятных мыслей отвлек голос профессора Ли:

– Картер! То есть капитан Райли! Здесь что-то происходит!

– Иду, – откликнулся я. – Арон, за мной. Хосе, прикрой.

Подошел вплотную к исследовательской группе, столпившейся у входа в проход между Кубом и стеной пещеры. Ко мне присоединился капрал Квон, управляющий юрким и мобильным «Мангустом» – экзоскелетом раза в полтора меньше «Джаггернаута».

Ученые расступились перед нами. Квон заглянул в тоннель, подсвечивая налобным фонарем, и выпустил собственного дрона-разведчика на гусеницах. Приняв задачу, тот шустро покатиł вперед.

– Что там, Арон? – спросил я.

– Не пойму... – ответил он, направив луч фонаря в дыру. – Показалось, что наблюдаю движение, но могу ошибаться... Черт, Картер!

– Что?

– Похоже, у дрона села батарея. Как-то мгновенно, странно. Заряд был полный... – Квон всмотрелся в показания так-

тического экрана. – В общем, дрон встал, связи с ним нет.

Вперед выдвинулся Джерри Макграт, ассистент профессора. Этот подопечный с первого дня мне не понравился, прежде всего излишним рвением в работе – неудобный клиент, за таким глаз да глаз. Плевать ему на правила, настоящий фанатик от науки. Вот и сейчас он занялся тем же самым: полез в узкий лаз, цепляясь за свод кислородным баллоном.

Ничего не говоря, я аккуратно подхватил его за ноги манипулятором, приблизил к башне «Джаггернаута» и, держа вниз головой, поинтересовался:

– С ума сошли?

– Я потерял шесть дронов! Двух – сегодня! Хочу вернуть их и изучить логи! – воскликнул Джерри, извиваясь. – Отпустите!

– И вы решили добавить к списку потерь себя, мистер Макграт?

– Мы лишились бурильщика, нескольких «кротов», а теперь еще и ваш там сгинул! – Он указал на Квона. – Я должен вернуть хоть что-то и разобраться!

– Мы разберемся, – пообещал я. – Но не ценой вашей жизни. В тоннеле подозрительная активность.

– Да что вы несете? – разозлился Джерри. – Нет там никакой активности! Тени пляшут от ваших же фонарей!

Опустив его на землю, я вышел вперед, встал рядом с Квоном и включил более мощный прожектор, почти полностью

освещающая выкопанный роботом проход. Узкий тоннель с идеально гладкой поверхностью был пуст, в самом конце виднелись исследовательские дроны. Маленький дрон-разведчик не дополз, отключившись на полпути.

– Снова движение, – проговорил Квон. – Странно, датчики ничего не фиксируют.

Там действительно что-то двигалось. Что-то незримое, смутное, угловатое, словно слившееся с размытыми вытянувшимися тенями. Волосы на загривке поднялись, как со мной всегда случалось при опасности. Еще в детстве я осознал, что владею таким навыком, а став миротворцем, начал его развивать. Вот и сейчас в груди разлился холодок. Там, в тоннеле, точно что-то происходит.

«Угроза!» – кричало шестое чувство, и я решил послушаться его. Лучше перебдеть, как говорил мой первый сержант. Целее будешь.

Я повернулся к профессору Ли. Как и остальные ученые, он был в серебристом скафандре, но я видел его в обычной жизни, а потому ясно представлял крепкого статного старика. Склонившись над ним, переключился на прямую связь и приказал:

– Профессор, немедленно забирайте своих людей и уходите!

– Но позвольте, капитан, мы не можем вот так взять и бросить ценное... – возмущенно заговорил Ли, и мне пришлось применить силу. В разговорах эти люди дадут мне фору, спо-

речь с ними бесполезно.

Аккуратно схватив профессора, я потащил его к выходу, а сам переключился на общий канал и приказал:

– Внимание, всем немедленно покинуть зону раскопок! Направляйтесь к подъемнику и возвращайтесь на поверхность!

Экзоскелет цеплялся манипуляторами за стены пещеры, прочерчивая полосы.

– Да что вы себе позволяете?! – взбеленился профессор, пытаясь вырваться из мощных манипуляторов «Джаггернаута». – Отпустите! Не слушайте капитана, коллеги!

– В ситуациях, опасных для жизни подопечных, командир охранной группы имеет право взять руководство на себя! – рявкнул я. – Это есть в контракте с вашей компанией, профессор!

– Да что, собственно, произошло? – подал голос Джерри. И он, и остальные двое, сообразив, что и к ним может примениться сила, потопали следом. – Мы не первый день теряем дронов на той стороне Куба, – продолжил он. – Причиной тому может быть масса факторов! Например, там что-то экранирует сигнал или что-то в той части Куба сажает аккумуляторы, причем это случается не все время, а только...

Я слушал его вполуха, одновременно перетаскивая профессора Ли и раздавая приказы Квону и Рамиресу – чтобы сопровождали ученых до подъемника и удостоверились, что те поднялись. Там их встретят Хаец и Волошин. Я же

собирался прикрыть отход и выбраться вторым рейсом – мой «Джаггернаут» был слишком тяжел.

Джерри бежал рядом и продолжал возмущаться, называя меня «тупым солдафоном, прикрывающим свою задницу».

– Никаких исследований, пока я не подтвержу, что здесь безопасно! – отрезал я. – И... да, можете называть меня как угодно, только выполняйте команды.

– Бред! – вынес вердикт профессор Ли, когда манипуляторы «Джаггернаута» осторожно поставили его на твердь.

Выходя из пещеры в длинный коридор, ведущий к подъемнику, я вспоминал, с кем нужно связаться в первую очередь и не нарушится ли секретность, если вызвать ребят из Бюро по внеземным контактам. Люди еще не встретили ни одного инопланетянина, но такая правительственная служба функционировала не первый год. Наверняка у них есть все возможные сценарии, что делать, когда происходит такая непонятная хрень.

Убедившись, что все ученые эвакуированы, а подоспевшие Рамирес с Квоном перекрыли им вход в пещеру, я кивнул вперед:

– Следуйте к подъемнику. Хосе, идешь первым, проверь путь. Арон, ты в середине. Я замыкаю.

Группа направилась по длинному, почти километровому, проходу от пещеры к подъемнику в шахте, а я обратился к профессору по общей связи:

– Вот теперь можете рассказать подробнее, профессор Ли.

Что произошло?

– Сначала мы потеряли связь с роботом, капитан, – буркнул тот не оборачиваясь. Наверное, все еще злился. – Он наткнулся на сверхтвердую породу, включился режим предохранения, после чего сигнал исчез. Ну и мы...

– Связь могла пропасть из-за того, что робот ушел из прямой видимости? – перебил я.

– Думаете, Куб загородил путь радиоволнам? – Профессор приостановился и, оглянувшись, рефлекторно попытался почесать бороду, скрытую под шлемом. – Нет, это не так. Проход идет по прямой, робот должен был достигнуть границ объекта по ту сторону и повернуть на девяносто градусов. Он не сворачивал. Мы, естественно, отправили туда дрона-разведчика, и не одного, но и с ними связь прервалась.

– Шесть! – уточнил Джерри. – Я говорил.

– Отправили бы еще одного, – заметил я. – Вы же сами упоминали, что роботы отключаются не всегда.

– Других у меня нет, ждем груз с Земли! – огрызнулся ассистент профессора. – А теперь из-за ваших дурацких правил нам останавливать исследования?

Следующие четверть часа, пока шли к подъемнику, профессор Ли, его ассистент Джерри, а также археолог Мария Стивенс и петролог Синдх Сатху живо обсуждали «творящийся произвол». Мы с моими ребятами помалкивали: пока объекты охраны не окажутся в безопасности, не время для пустых разговоров.

Неподалеку от подъемника, там, где тоннель расширился, я остановился. Мой «Джаггернаут» не поместился бы на площадке вместе с остальными. Группа прошла мимо через последний проход, ведущий к подъемнику.

– Хосе, Арон, пересчитайте подопечных, – приказал я. – Убедитесь, что все на месте.

– Профессор Ли – здесь, – отозвался Квон. – Доктор Стивенс – здесь. Доктор Сатху – тоже рядом. Доктор Макграт... Черт, я его не вижу.

– Джерри! – донесся из динамиков голос профессора Ли. – Джерри Макграт!

– Здесь я, здесь, – откликнулся его ассистент.

– Где ты, Джерри?

Я покрутил головой, посмотрел назад – обратный путь был чист. Куда запропастился Макграт?

– Вижу Макграта, капитан, – сообщил Квон. – Выходит из кабины с генератором.

– Вот же заноза в моей заднице! – выругался я невольно. – Бери его за шкуру и валите наверх!

Что именно сделал Джеральд Макграт, стало понятно, когда Квон попытался запустить подъемник.

– Капитан, у нас проблемы, – доложил капрал по приватной связи «стражей». – Парень сменил код доступа, подъемник не реагирует на команды с панели.

– Джоанна и Алекс могут врубить подъемник сверху?

– Никак нет, эта штука ставилась Первой Марсианской,

административный доступ только у ее сотрудника.

— У Макграта... — вздохнул я. Сжал кулаки, выругался, хотел зло сплюнуть, но не стал, так как был в шлеме. — Джоанна, Алекс, вы слышали?

— Слышали, — отозвался Волошин. — Сколько тебя знаю, кэп, никогда не слышал, чтобы ты так выражался. Поговори-те с парнем как умеете, может, придет в себя и вернет доступ.

— О, я поговорю! — пригрозил я. — Так поговорю, что мало не покажется!

Джоанна предложила вытащить упрямых исследователей, воспользовавшись реактивными ранцами, но это бы подвергло жизни подопечных еще большему риску. Я велел ей и Волошину оставаться на поверхности, приготовив на всякий случай кислородные баллоны.

— Расслабься, кэп, — попыталась успокоить меня Хаец. — Неоткуда у вас там взяться опасности — мимо нас никто не проходил, доступ к подъемнику только у нас...

Объяснять ей, что скорее ощутил опасность, чем увидел, я не стал. Вместо этого записал голосовой пакет, в котором изложил ситуацию и запросил указаний у начальства. В это время года с Марса до Земли сообщение будет добираться не меньше четверти часа, еще столько же — обратно, так что, видимо, придется все же разруливать самому.

В группе исследователей поступок Джерри вызвал одобрение. Я понял это, потому что, вернувшись от подъемника, все развеселились, а профессор Ли похлопывал ассистента

по плечу. О чем они говорили, не было слышно – общались на своей частоте, – но, по всей вероятности, Ли хвалил помощника за инициативность и решительность.

Мысленно снова выругавшись, угрожающей поступью «Джаггернаута» я сблизился с Джерри, прижал его к стене и, переключившись на общий канал, прорычал:

– Макграт, ты что творишь?! Понимаешь, что у нас кислорода часа на два осталось, а нам еще добираться до базы?

– Сменные баллоны есть наверху, капитан, – спокойно ответил Джерри, – переживать не о чем. Все, чего мы хотим, это достать хотя бы один утерятный дрон. Тогда на базе мы не потеряем время и не только попробуем починить его, но и поймем, что с ним произошло.

– Действительно, молодой человек, – взмолилась доктор Стивенс. – Я понимаю, что вы просто делаете свою работу, и мы вам очень благодарны за заботу, но и вы поймите! Мы две недели торчим в этой дыре, и у нас никаких результатов! Руководство компании не будет слушать наши истории о причинах задержки...

– Из-за вашей паранойи, – добавил обычно молчаливый доктор Сатху.

Мне подумалось, что петролог впервые за сегодня заговорил в общем канале. А может, и вообще за все время раскопок. Лучше бы так и молчал.

– Вы нарушаете контракт, – устало сообщил я, стараясь говорить как можно спокойнее. – Ваша компания...

– Бла-бла-бла! – перебил профессор Ли. – Хватит этой чепухи! Выслушайте наши условия! Мы возвращаемся в пещеру с реликтом, Джерри полезет в тоннель, зацепит дрона и вернется. Сразу после этого все мы вернемся на базу. Не обсуждается!

– Я правильно понимаю, что вас не переубедить и вы скорее отдадите концы, израсходовав кислород, чем вернете доступ к подъемнику?

– Именно! – просиял Джерри. – Вы у нас в заложниках, капитан.

Все разумные доводы ученые пропускали мимо ушей. Инопланетные чудовища? Не смешите нас, капитан Райли! У страха глаза велики! Радиация? Неизвестные излучения? Агрессивная среда? Никто и не собирается подползать туда, где с дронами случались необъяснимые поломки! Джерри лишь зацепит ближайшего дрона и тут же вернется!

– Черт с вами, – мрачно сказал я. – Только никакого Джерри. Рисковать вашими жизнями мы не будем ни при каких условиях, и шантаж вам не поможет. А кто не согласен, отправится наверх в манипуляторах моего «Джаггернаута»!

Назад мы вернулись быстрее, чем шли к подъемнику. Джерри вообще чуть ли не бежал, и мне, поскольку шел я первым и заслонял проход, пришлось притормаживать, чтобы тот сбавлял скорость. Чужая планета, безвоздушное пространство – люди погибали, споткнувшись о камень. Разгерметизация скафандра – не шутки.

Столпившись у Куба, ученые оживленно обсуждали, как лучше зацепить дрона. Мы с Рамиресом и Квоном устроили собственное совещание.

– Кэп, прошу разрешить полезть мне, – заговорил Арон. – Кто-то должен это сделать, раз так все повернулось? Ну и кому лезть? Для тебя проход слишком узкий, Хосе слишком пузатый, застрянет...

– Эй! – встрял Рамирес. – Сам ты пузатый! У меня шесть кубиков на прессе!

– А я... – улыбаясь, продолжил Квон.

– А ты тоже туда не пролезешь, – отрубил я, прикидывая, влезу ли сам.

Всегда предпочитал рисковать собой, а не подчиненными, потому что терпеть не могу нести потери. А так – рискнул и даже если сам погиб, чувство вины тоже сдохло и грызть не будет.

– Прелезу, если останусь в одном термокостюме! – возразил Квон. – Резервного кислорода хватит минут на двадцать, я успею.

Невысокий и худощавый, он, пожалуй, протиснется. А вот сам я – вряд ли, даже если разденусь догола. Природа расщедрилась и наградила меня богатырским сложением. Первый сержант, когда я только вступил в ряды миротворцев, бросив на меня взгляд, восхитился и сказал, что такому бугаю в армии только одна дорога: в операторы «Джаггернута». Этот экзоскелет считался тяжелым ходячим танком

и требовал от водителя развитой мускулатуры...

Пораздумав, я кивнул:

– Хорошо, Арон, разоблачайся. Прикрепим к твоим ногам трос и, если что пойдет не так, вытащим. Но все равно будь осторожен! Я обещал твоей маме, что верну твою задницу в целости и сохранности!

– Есть, капитан!

Я сообщил ученым о принятом решении, а Арон, похоже, так устал от экзоскелета, что выскочил из него в считанные секунды, оставшись в облегающем термокостюме с закрепленным шлемом. Разминаясь, он сделал несколько круговых движений руками, будто собирался взлететь.

Хосе зафиксировал на его ногах легкий, но прочный трос, который не помешает мобильности, и Квон доложил в общем канале:

– Готов.

С пару минут Джерри и профессор Ли объясняли ему, как и за что лучше всего зацепить дрон, чтобы не повредить модуль памяти и сохранить наибольшую дистанцию до аномальной зоны. Макграт предложил использовать что-то вроде телескопического манипулятора размером с авторучку – какое-то собственное изобретение.

Взяв его, Квон кивнул и без тени колебаний нырнул в тоннель.

«Пролез», – закусив губу, подумал я. Лишь бы не повредил костюм. Поверхность лаза, конечно, ровная, практиче-

ски отшлифованная роботом-бурильщиком, но все же...

– Десять метров, – доложил Квон через пару минут. – Полет нормальный.

– Полет? – хмыкнул я. – Видишь что-нибудь?

– Тени пляшут, но, думаю, это потому, что луч фонаря движется... – Помолчав, Арон добавил: – Кэп, я тебе говорил, что у меня клаустрофобия? Шучу, ха-ха!

– Отставить шутки, капрал, – приказал я.

– А может, и не шучу...

Он полностью перекрыл тоннель, из-за чего то я сам, то Рамирес, то ученые влезали в эфир, спрашивая, что видит Квон, а тот отвечал одно и то же, менялись лишь метры преодоленной дистанции:

– Семнадцать метров, вижу отключившиеся дроны. Движения не наблюдаю.

– Двадцать, картина та же...

– Двадцать четыре метра...

На тридцати доклад капрала изменился.

– Наблюдаю движение, – почему-то очень тихо прошептал Квон. – Фонарь зафиксирован, но тени движутся. Кэп, там творится какая-то хрень.

– Давай назад, – так же шепотом ответил я, но тут же опомнился и прокричал: – Назад, Арон! Это приказ! Хосе, тащи его!

– Кэп, до моего дрона осталась пара метров! – возразил Арон. – Заберу хотя бы...

И связь прервалась. Не было ни треска, ни шипения – Квон просто замолчал. И замер.

Рамирес начал его вытаскивать, трос натянулся. До рези в глазах я всматривался в тоннель, надеясь уловить движение, но тело лежало неподвижно. Tактический экран на щитке шлема отобразил оборванную красную линию поверх портрета Квона – связь с капралом потеряна.

– Что с ним, капитан? – спросил профессор Ли. – Почему он остановился?

– Арон! – закричал я.

– Кэп, что-то его держит! – прорычал Рамирес. – Не могу вытащить! Поможешь?

Схватив трос манипулятором, я аккуратно подал его на себя, подтягивая Арона... Что-то в тоннеле мелькнуло – невидимое, едва уловимое, как будто облачко на мгновение перекрыло прожектор, – и трос лопнул. Натяжение исчезло. Тело капрала осталось лежать там же, в тоннеле.

– Как?! – заорал Хосе. – У Арона скорее бы нога оторвалась, чем трос не выдержал натяжения! Брак? Перетерся обо что-то? – Он заработал руками, подтягивая трос. – Или...

Или его что-то перекусило, причем как нитку. Озвучивать мысль я не стал, машинально сунулся в лаз, остановился и выругался – я же в «Джаггернауте»!

И что делать? Что вообще случилось с Ароном? Напоролся на что-то и произошла разгерметизация? Потерял созна-

ние от недостатка кислорода?

Сердце забилося сильнее, и я сделал глубокий вдох, чтобы успокоиться. Вдох-выдох... вдох-выдох... Отключив канал с галдящими учеными в динамиках, отошел от зияющей черной дыры и закрыл глаза, чтобы отрешиться от всего и сообразить, что предпринять. Во-первых, нужно отправить Волошина на базу за роботами-бурильщиками. Проход надо расширить, тогда можно будет вытащить Квона... Нет! Слишком долго, Арону не хватит кислорода!

– Алекс, Джоанна, спускайтесь, у нас ЧП, – приказал я.

– Капитан, я полезу за Ароном! – влез в канал Рамирес. – У него кислорода...

– Отставить! – рявкнул я. – С ума сошел? С остальным будем разбираться...

Договорить не успел. Сначала вскрикнул Джерри, потом профессор Ли возбужденно постучал по ноге «Джаггернау-та»:

– Капитан! Капрал снова движется!

Я резко развернулся и, чуть не сбив профессора с ног, бросился к лазу. Светанул прожектором и ахнул – Квон двигался в дальний конец, а его ноги волочились так, словно кто-то тянул тело с той стороны!

– Арон! – крикнул я, но с отключенной связью тот не мог меня услышать.

Напоследок тело Квона как-то странно сложилось и исчезло в тени. Словно в трясиину ушло.

– Все назад! – стараясь сохранять спокойствие, приказал я. – Профессор, забирайте своих людей и – бегом на поверхность. Хосе, прикрой их отход. Похоже, спасти Арона уже поздно...

– Да что там такое?! – рывкнул Рамирес. – Кэп, я не оставлю тебя одного с этой неведомой фигней! Да и с Ароном непонятно, может, он еще жив, просто в отключке?

– У него кислорода на пару минут! Если ему кто и поможет, то только он сам. Выполняй приказ!

Исследователи тем временем спешно собирали самое важное оборудование. Да они совсем свихнулись!

– Профессор! – взъярился я. – Сказал же выметаться!

– Да-да... – рассеянно ответил тот, озираясь. – Вот только...

Что еще собирался сказать ученый, осталось загадкой. Сначала он запнулся, увидев, как складывается вдвое и распадается на две части Джерри, а потом замолчал навсегда. Я просто не верил своим глазам, наблюдая, как что-то невидимое перемалывает профессора Джексона Ли.

Включив силовое поле, кинулся на помощь профессору, но опоздал: спасти было уже некого, а то, что его убило, исчезло. Tактический экран не показывал на мини-карте никакой иной жизни, кроме людей.

Я рванул к тому, что осталось от Джерри, и снова не нашел противника. Скрипел зубами, вертелся вокруг своей оси, пытаясь разглядеть то, что убивает моих подопечных. Ничего.

Лишь те же смутные тени, мечущиеся в лучах прожекторов в полной тишине.

А потом эфир вдруг взорвался дикими криками, наполненными болью, страхом и паникой... и снова затих. Я словно потерял слух, так резко все оборвалось, сменилось оглушительной тишиной...

– Кэп, что у вас там творится? – раздался в динамиках голос Волошина.

В то же мгновение погасли огни, пещера погрузилась во мрак, но тут же озарилась вспышками – заработали импульсные пушки Рамиреса. Я принялся стрелять туда же, хотя по-прежнему не видел цель.

– Капитан! – крикнула Хаец. – Ответь! Какова численность противника?

– Нас атакуют, не вижу кто, есть потери! – скороговоркой выпалил я, сосредоточившись на происходящем.

– Продержитесь, скоро будем! – закричала Джоанна. Судя по запыхавшемуся голосу, они с Волошиным бежали.

Тем временем огонь Рамиреса прекратился – погасло его силовое поле, и оружие, закрепленное на манипуляторах экзоскелета, рухнуло вместе с ними. Хосе упал, распластался на камне и начал терять форму – его «Мангуст» сложился, словно угодил под многотонный пресс.

Что за...

Я перевел огонь в зону промелькнувшей тени. Безостановочно выпуская плазменные разряды, в какой-то момент

беспорядочной пальбы я увидел, в кого стреляю. Ранее незримый враг проявился.

Сначала я не поверил своим глазам. Что-то похожее на метрового паука напрыгнуло на доктора Стивенс. Та дергалась в конце пещеры, словно муха, прилипшая к незримой ловушке. Возможно, я плазменным огнем выжег у твари способность быть невидимой.

Сблизившись, я манипулятором снял призрачного монстра с тела Стивенс... или с того, что от него осталось, сжал металлический кулак, сминая гада, и отбросил его. Впечатавшись в стену, тварь замерла, а я уже заметил другую – ту, что, видимо, перед смертью зацепил Рамирес. Захват цели, очередь импульсных пуль... Черта с два, пули отскочили рикошетом!

Я навел другую руку – с плазмаганом. Ш-ш-шух! Звук не было, но все знают, как звучит плевков плазмы. Тварь отбросило, но не убило. Я заметил, что она состоит из чего-то кристаллического, мерцающего, меняющего фактуру от невидимости до смутных очертаний, словно тень приобретала объем. Ш-шух! Ш-шух! Еще два заряда добили «паука».

Камеры, встроенные в шлем, зафиксировали движение за спиной, и я развернул «Джаггернаута». Костюмы-скафандры исследователей и Рамиреса лежали неподвижно и выглядели так, словно сдулись.

Я зарычал, злясь и на себя, что поддался шантажу, и на

идиота Джерри, окинул взглядом пещеру, ставшую гробницей для четырех ученых и двух моих друзей. Потом посмотрел на чертову плиту – видимую сторону Куба Предтеч. Возможно, эти невидимые твари и есть Предтечи? И они не вымерли, а затаились, чего-то выжидая, а люди своей возней их пробудили?

Двух «пауков» я прибил, но что, если где-то поблизости другие? Первой реакцией было бежать, чтобы вернуться с подкреплением, но сначала нужно полностью зачистить пещеру. Ни одна тварь не должна выбраться наверх!

В полной тишине, не слыша ни биения сердца, ни собственных шагов, тяжелой поступью «Джаггернаута» я приблизился к древнему артефакту, высматривая врага, и ощутил что-то необычное: мне вдруг непреодолимо захотелось дотронуться до куба.

Раскрыв экзоскелет и высунув руку, я прикоснулся к плите, сам не понимая, чего жду. Камень как камень, ни исходящего внутреннего тепла, ни вибрации, лишь холод. Я отдернул руку, глянул на экран в шлеме – минус 72° по Цельсию. Адский холод, который не чувствовался через перчатку, но отчетливо существовал в воображении.

Не слухом, не зрением, скорее тем, что раньше называли «нутром», я почуял, что не один. Еще секунду назад в пещере, кроме меня, никого не было, а сейчас...

Датчики молчали, не регистрируя движения и тепла. Шестое чувство могло обманывать, но я привык доверять инту-

иции, которая не раз спасала мне жизнь во времена службы миротворцем. Заблокировал корпус, поднял мощность силового поля до максимума. В таком режиме оно не продержится и трех минут, но мне хватит и одной. Где ты, тварь?

Медленно повернув голову, я изучил уходящий во тьму тоннель, где сгинул Квон. Чисто.

Оглядел пещеру: если не считать беспорядочно раскиданного оборудования и сдувшихся скафандров, чисто.

Потолок – чисто.

И тогда я посмотрел под ноги.

Метровый участок пола будто расплавился, по нему прокатилась волна, на доли секунды проявив очертания «паука». Он не двигался, вмурованный в камень, точно мошка в янтарь.

Тварь была не выше метра. Глаз я не увидел, но был уверен, что она меня изучает. Может, и нет у нее никаких глаз?

Убедившись, что запись происходящего ведется, я очень медленно наклонился, переключая камеры шлема в разные режимы. Инфракрасный и ультрафиолетовый ничего не показали. Рентгеновское и гамма-излучение картину не прояснили. Для земной техники «паук» не существовал.

Открыть огонь? Прикончить тварь, пока она меня не убила? Я направил на нее левую руку, привел плазмаган в боеготовность и выдал вниз огненную очередь. Выплюнув с десятков зарядов в камень, раструб заглох. Тварь этого словно не заметила.

Правой ладонью, отвечавшей за импульсный ствол, я попробовал дотронуться до «паука», но манипулятор «Джаггернаута» прошел насквозь. То, что это ошибка, стало понятно мгновением позже. Силовое поле бешено замерцало и отключилось, а следом могучая конечность «Джаггернаута», бронированная сверхстойкими сплавами, просто отвалилась. Вместе с управляющей ею рукой – моей рукой.

До того, как обрубок взорвался болью, я увидел отсеченную часть «Джаггернаута», рассыпающуюся на стальные опилки и мелкие куски плоти, словно она проходила через гигантскую терку, леденеющие на лету капли крови и фонтан, бьющий из перерубленных артерий по плите Предтеч.

Обнаружив разгерметизацию скафандра, встроенный искусственный интеллект «Джаггернаута» залепил дыру, спасая намертво. Кровь продолжала изливаться тугими выплесками, но, не имея выхода, начала заливать скафандр. Легкий укол в шею – сработал автодоктор, вводя сильнейшее обезболивающее и стимулятор, чтобы я не потерял сознание от болевого шока, и одновременно заработали наноботы, сперва спаивая артерии и вены, потом – капилляры, мышцы, кожу.

«Сам сдохну, а тебя прихвачу с собой!» – прорычал я, ощутив прилив сил и какой-то горячечный азарт, вызванный, видимо, стимулятором. Страшно было подумать, что сделает эта тварь, если поднимется наверх и проникнет в колонию.

Где-то на краю поля зрения мелькнула сторона Куба Предтеч. Мне показалось, что объект светится, но сейчас не до загадок. Я выдал плазменный сгусток туда, где находилась тварь, но ее и след простыл.

Ах так?! Я выругался, сервоприводы взвыли, пытаюсь выполнить мою мысленную команду и растоптать тварь, но было уже поздно. В ту же секунду что-то ударило меня в грудь, и потолок с полом поменялись местами. Каким-то образом относительно небольшой «паук» завалил массивного «Джаггернаута» на спину. Раздался писк садящейся батареи, и тактический экран исчез. Враг сжег всю электронику?

Сжег ли? Скорее поглотил энергию – с «Джаггернаутом» произошло то же самое, что с дронами в тоннеле. Вершина технологий превратилась в бесполезную грудку металла.

Казалось, что тварь вот-вот добьет меня, но секунду, две, десять я продолжал жить, а вернув хладнокровие, активировал аварийный выход.

Продуманной механики хватило, чтобы раскрыть корпус «Джаггернаута» и вытолкнуть меня. Я среагировал на проблеск, движение тени, и отчаянный удар кулаком угодил в инопланетную тварь!

Вот только пострадал не «паук», а я сам – хрустнули кости, отдаваясь вибрацией в зубах, руку начало корежить. Запаниковав, выдернул ее из невидимой мясорубки и откатился. Попытался резко подняться, но едва удержал равновесие, потому что опереться было не на что: одну руку отсекло,

в другой словно переломало все кости.

Рядом маячила раскрытая створка экзоскелета. Все мое внимание переключилось с незримого «паука» на аварийную панель «Джаггернаута». Интерфейс экзоскелета отключился, связь с ним тоже, и остался единственный способ запустить самоуничтожение: ввести код вручную, как раз на такие случаи он и был рассчитан. Я перекатился к экзоскелету и попытался вскрыть панель, но еле-еле слушался только большой палец, остальные стали будто чужими и бесполезными. Пот и кровь, просочившиеся под шлем, застилали глаза, сердце рвалось из груди, жилы, казалось, трещали, напрягаясь от тщетных усилий, но я не сдавался.

И не сдался бы, но тяжелые заостренные лапы припечатали меня к земле, уперлись в грудь. Под весом твари я не мог даже дышать, не то что высвободиться. «Паук» провел конечностью по щитку, и прочнейшее стекло развалилось на части. Лицо обожгло морозом, оно сразу начало неметь, а на ресницы сел иней.

Я задержал дыхание, все еще отчаянно пытаюсь дотянуться до аварийной панели, поддеть ее пальцем. Давай! Дернулся – тщетно. Остались только я и «паук» на моей груди, заслоняющий угловатым туловищем реликт, оставшийся от Предтеч.

Чудовищные полупрозрачные жвала коснулись кожи лица, обжигая космическим холодом. Из пасти твари высунулись щупальца – гибкие, но твердые и острые. Два полез-

ли в ноздри, третье – в рот. Я приготовился умереть и широко раскрыл обледеневшие глаза, желая запомнить убийцу. Кто знает, может, сказки про перерождение – не такие уж сказки?

Я уже задыхался, но вдруг полумрак пещеры взорвался ослепительным светом, таким ярким и горячим, что меня обожгло. Стало легко, на грудь больше ничего не давило, лица – ничто не касалось.

Последнее, что я увидел, – это как гаснет убийственный свет, опадает исчезающей пылью «паук» и звездным огнем выжигаются на Кубе Предтеч символы, похожие и на руны, и на иероглифы, и на арабскую вязь.

Сердце мое остановилось, а символы древней цивилизации все еще жгли превратившиеся в лед глаза.

Глава 1. Вида своего первый

Я пришел в себя от жжения в глазах. Попытался поднять веки, но не смог – они слиплись. Потянулся руками и ощутил сопротивление плотной среды, словно меня затащило в трясину. Собственное тело отказывалось слушаться, будто я плыл в вязком киселе, не в силах выбраться на поверхность. От этой мысли запаниковал, дернулся, судорожно вздохнул... и успокоился. Я мог дышать, а значит, меня всего лишь поместили в медицинскую капсулу. Густая, склизкая жижа, мешающая движениям, – обычный биогель.

Но что произошло? Как я сюда угодил? В медкапсулу погружали только тех, кто получал смертельное ранение, со всем остальным легко справлялись переносные устройства.

Я напряг память, чтобы разобраться в происходящем, но это усилие отозвалось резкой головной болью. Поморщившись, попытался вспомнить, где находился до этого. Перед закрытыми веками мелькали смутные образы, мечущиеся огни фонариков, странные символы; слышались крики и шорох плазменных выстрелов. Вспыхнул ослепляющий свет, и... Картинки были нечеткими, ненастоящими, словно частицы полузабытого сна.

Отчетливо я вспомнил лишь то, что дело происходило на Марсе в какой-то пещере. Со мной были Хаец, Воло-

шин, Рамирес и Квон. Две недели мы охраняли исследовательскую группу Первой Марсианской компании... Больше – ничего. Я мог прокрутить воспоминания лишь до сцены, как переговаривался с Джоанной, изнывавшей наверху от безделья, потом меня окликнул профессор Ли и... Дальше воспоминания меркли.

Я с силой сжал сомкнутые веки, словно пытаюсь выдавить из дебрей сознания еще хоть что-то, – и тогда во мгле замельтешили странные объемные знаки, не то руны, не то иероглифы. Сфокусировавшись на них, заметил, что они не просто хаотично движутся, но и постоянно преобразуются, меняя форму и цвет, то ярко вспыхивая, то угасая до едва различимых очертаний.

С закрытыми глазами, лежа во мгле биогеля в медицинской капсуле, я не мог ничего иного, кроме как наблюдать за видением. Даже удалось приспособиться, и теперь казалось, что значки скачут на расстоянии вытянутой руки, напоминая текстовые уведомления голографических линз.

От скуки я попытался найти смысл в передвижении символов, но не сумел, оно было беспорядочным. Тогда я принялся отслеживать один символ, похожий на жучка-скарабея. Этот значок почти не менял форму, только цвет – от темно-серого до ярко-желтого, от розового к фиолетовому. «Лапки» скарабея то удлинялись, то укорачивались, то раздваивались, и тогда значок напоминал цветную снежинку.

Я утомился и сам не понял, когда отключился.

А когда очнулся, символы уже остановились, выстроившись в несколько рядов. С изумлением я осознал, что понимаю их и даже могу разобрать написанное.

Вот только смысла в прочитанном я не уловил. Текст гласил:

Вида своего первый да будет поощрен.

Проследуй туда, где зародился путь, устланный питающей жидкостью.

Следующий час я крутил фразу в голове, переставляя слова так и эдак, но понятнее она не становилась. Все, что сообразил: я первый своего вида (в чем?) и меня хотят поощрить (кто?). Для этого нужно попасть туда, где зародился путь. И путь этот устлан питательной жидкостью. Водой? Мало того, что сама по себе фразочка казалась полным бредом, но и ее появление в голове было явным признаком надвигающегося безумия.

В раздумьях я не заметил, как символы поблекли и уменьшились так, словно с расстояния вытянутой руки отлетели метров на сто.

– Как вы себя чувствуете? – Голос доносился из-за пределов капсулы, а потому прозвучал глухо. – Поднимите большой палец, если о'кей...

Я так и сделал. Спустя полминуты биогель схлынул, поз-

волив наконец открыть глаза, которые тут же пришлось снова закрыть: яркий свет с непривычки слепил. Жжение усилилось, и я заморгал. Таинственные символы почти исчезли, но все равно оставалось ощущение, что в глаза попал песок.

Верхняя створка капсулы раскрылась, показался скуластый коротко стриженный мужчина-азиат в белом халате. Не представившись, он протянул мне пластиковый контейнер с водой.

– Сполосните горло.

Я попробовал опереться на локоть, чтобы попить, и едва сдержал стон. Опустил голову и чуть не задохнулся, горло сдавило спазмом от ужаса: я действительно сильно пострадал. Очень сильно. У меня осталась только одна рука, левая. Правая торчала из плеча толстым обрубком. Как же я ее потерял? Да что, черт возьми, произошло?

– Что у меня с рукой? – прохрипел я, выталкивая звуки из пересушенного горла.

– Вы ее лишились, – ответил доктор. – При невыясненных по сей день обстоятельствах. Но не переживайте, мистер Райли, травму вы получили во время исполнения служебных обязанностей. Не сомневаюсь, что страховка работодателя покроет установку вам генетического импланта – рука будет как собственная. К сожалению, в этих условиях... – Он обвел рукой пространство вокруг. – В этих условиях я могу установить вам лишь биопротез... Но нужно, чтобы ваш работодатель согласился его оплатить.

Отсутствие руки меня удивило, но все же не шокировало. Будучи миротворцем, я видел, как товарищи теряли руки и ноги, а потом возвращались в строй с новыми, армия оплачивала установку бионических конечностей, почти ничем не отличавшихся от настоящих, — так что решил погоревать потом. Сейчас же первым делом хотелось утолить жажду.

Пить пришлось, опираясь на обрубок. Утолив жажду и смыв ощущение наждачной бумаги в глотке, я вернул опустевший контейнер доктору и спросил:

— Кто вы?

— Я доктор Нгуен, — ответил тот. — Помните, кто вы? Как вас зовут?

— Картер Райли. Где я?

— В медблоке базы Скиапарелли, принадлежащей Первой Марсианской компании, — ответил доктор Нгуен. — Вы на Марсе, Картер. Помните, как сюда попали?

— По контракту с вашей компанией. Ваши роботы-шахтеры что-то обнаружили в тоннелях под кратером Скиапарелли...

— Прекрасно! — обрадовался доктор.

— Какую-то плиту, вроде бы рукотворную... — вспомнил я. — Так?

Доктор пожал плечами:

— Мой уровень допуска не позволяет знать такие подробности, но в целом вы правы.

– Вы начали исследования, а для охраны пригласили нас... Помню, что было чертовски скучно... – Я наткнулся взглядом на обрубок, глянул на доктора вопросительно: – Что со мной случилось? Как я потерял руку? Где мои... коллеги из «Стражей»?

Нгуен проигнорировал вопрос.

– Попробуйте подняться, только очень медленно. Скажите, если вам нужна будет помощь. Вы пролежали здесь полгода, мышечная атрофия неизбежна. Тем более на Марсе.

В голове поднялся неприятный гул – полгода! Как такое возможно?! Я, пересилив себя, кивнул. Получить ответы на вопросы еще успею, а сейчас лучше слушаться доктора. Тот помог мне сесть и, пока я приходил в себя, принес больничный халат.

Опустив ноги, я попробовал встать, но мышцы не слушались. Нгуен придержал меня, позволяя облачиться в халат, взял под руку и повел к выходу из комнаты с медицинскими капсулами. Каждое движение давалось с трудом и болью, я чувствовал себя то ли глубоким стариком, то ли роботом, заржавевшим до основания.

Когда мы вышли из палаты, я повторил вопрос:

– Что со мной случилось, док?

– Не считая потерянной руки, мышечной атрофии и частичной амнезии, вы, можно сказать, здоровы, – ответил Нгуен. – Все обмороженные ткани восстановлены. Что касается остальных вопросов, я не могу ничего сказать,

так как мой уровень допуска...

– Да-да, я уже слышал, – с легким раздражением перебил я.

– Поверьте, я не владею информацией, – виновато ответил доктор. – Когда прибыл на Марс, вы уже находились в капсуле. Ваша медицинская карта не содержит подробностей того, как вы получили ранения. Идемте...

Озираясь, я посмотрел на низкие потолки со знакомыми световыми панелями и стены коридора, выложенные декоративной плиткой с логотипом Первой Марсианской компании...

И узнал это место! Прибыв на Марс, здесь я со своими бойцами проходил медосмотр. Вот только обследовал нас другой врач, единственный на весь медблок. Как же его звали? Имя всплыло сразу же: доктор Изабелла Фернандес.

– А где доктор Фернандес?

– Она... – Нгуен замялся. – Ах да, вы же не знаете... Месяцев пять назад на базе произошел несчастный случай. В личных комнатах сотрудников ночью отказала система подачи кислорода. Те, кто не спал или успел проснуться, сумели выбраться, а вот остальные...

Я решил, что произошедшее – дело рук конкурентов. Наверняка служба безопасности Первой Марсианской уже нашла злоумышленников. Повезло, что сам я был в медкапсуле с ее автономным источником кислорода...

Нгуен привел меня в палату, объяснив, что придется про-

быть в медблоке, а значит, и на Марсе, еще неделю: необходимо пройти курс мышечной реабилитации.

И только тогда пришло окончательное осознание того, что говорил доктор. Я здесь уже полгода! Дома, на Земле, меня ждут Джослин и Микки! При мысли о дочке я запаниковал: обещал же ей, что мы скоро увидимся!

– Могу я отправить сообщение семье? – спросил я.

– Не думаю, что с этим будут сложности, – ответил Нгуен. – И все же это не в моей компетенции. Дождитесь, когда со смены вернется начальник базы, он ответит на все ваши вопросы.

– Дома хотя бы знают, что со мной случилось?

– Вашу супругу уведомили, – сухо ответил доктор. – Отдыхайте.

Жжение в глазах поутихло, но никуда не делось. Вроде бы успокоившийся текст, так и торчавший на периферии зрения, снова сошел с ума, и перед глазами закружились огненные и ослепительно-белые хвостатые мошки, похожие на миниатюрные кометы. Они вились, выстраивались в строчки непонятных символов и выглядели как помехи в голограмме. Я, сделав вид, что хочу почесать нос, попытался смахнуть их, но рука прошла насквозь. Хуже того, я видел их, даже зажмурившись.

– Еще кое-что, док, – сказал я, когда Нгуен собрался уходить.

– Да, мистер Райли?

– У меня что-то не то с глазами. Они чешутся, и я вижу всякую... – запнулся, подбирая слово, – хрень. Какие-то белые мошки мельтешат.

– Позвольте... – Нгуен приблизился, вытащив из кармана диагностический сканер. – Откройте глаза пошире.

Я оттянул веки, врач направил сканер в один глаз, затем во второй, спрятал прибор и развел руками:

– Медкапсула обязательно исцелила бы ваши глаза, будь с ними что-то не так. Мой сканер тоже ничего не обнаружил. Здоровая сетчатка, идеальное зрение. Сканирование мозга показало, что он здоров. Маркеры нарушений работы нервной системы отсутствуют. Показатель нейронов и синапсов на том же уровне, что и до... инцидента.

Я покачал головой, поморгал, пытаюсь смахнуть мошек, но те никуда не делись. Раздраженно почесал глаза уцелевшей рукой и собрался рассказать о загадочных знаках, обретших смысл, но передумал. Побоялся, что меня признают свихнувшимся или, хуже того, задержат на Марсе еще дольше. Джослин и Микки остались одни, а потому лучше разобраться с видениями, когда вернусь домой.

– Полагаю, это последствия комы, – сказал Нгуен. – Вы очень долго не использовали глаза по назначению, сейчас им нужно время для адаптации. Сделаем так. Постарайтесь не думать об этих ваших... – Нгуен покрутил пальцем в воздухе, – мошках. Не обращайтесь на них внимания, смотрите как бы сквозь них. Понаблюдаем. А сейчас отдыхайте.

Доктор Нгуен покинул палату. Я остался наедине со своими мыслями. Полгода на Марсе в коме? В это все еще не верилось.

Переживаний было слишком много даже для меня. От короткой прогулки к палате тело, привычное к запредельным нагрузкам, утомилось, мышцы ныли, дыхание сбилось, и я прилег. Среди личных вещей, которые кто-то перенес в палату, нашел губную гармонику и поиграл немного, чтобы успокоиться, но сбивался, не в силах перестать думать.

Все еще подтормаживающий разум пытался совместить рассказанное Нгуеном и то, что помнил я сам, в единую картину. Тщетно: мысли прыгали, скакали, прерываемые беспокойством о жене и дочери, и я сам не понял, когда уснул.

Проснулся от смутного ощущения опасности. Волосы на загривке и руке поднялись, в груди появился холодок. В разуме заворочалось смутное воспоминание: казалось, нечто подобное я испытал в той самой пещере под кратером, где охранял ученых.

Спал я на левом боку, а голос раздался справа:

– Что вы помните, Райли?

Голос был незнакомым и принадлежал не Нгуену. Я счел за лучшее промолчать, но говоривший не успокоился:

– Не притворяйтесь, Райли. Сканер мозговой активности заверяет, что вы уже бодрствуете.

Помогая себе здоровой рукой, я сел и посмотрел на говорившего. Невзрачный мужчина в комбинезоне сотрудни-

ка Первой Марсианской сидел передо мной, закинув ногу на ногу. Лицо его было будто стертым, без единой запоминающейся детали. Выделялись лишь белесые зализанные волосы.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал я. – Вы не похожи на Донована, начальника базы у кратера Скиапарелли.

– Гражданин Донован более здесь не работает, – ответил мужчина. – Я вместо него. Меня зовут Леонид Карпович.

Руки он не протянул, а представился так, словно сделал одолжение.

– Понятно, – задумчиво протянул я. Чувство, что мужчина представляет для меня угрозу, никуда не делось, хотя было иррациональным. Оттого оставалось неясным, как себя вести. – Видите ли, мистер Карпович, я не помню, что со мной произошло, а доктор Нгуен не ответил на мои вопросы. Как я потерял руку? Что с моими товарищами? Собирались ли моей семье о том, что я здесь?

Карпович побуравил меня немигающим взглядом, а потом впервые проявил что-то человеческое: вздохнул.

– Никто ничего не знает, Райли. Вы единственный свидетель произошедшего. Все носители информации подверглись облучению неизвестной природы и оказались безнадежно испорчены. Никаких записей не сохранилось даже у выживших рядовых Алекса Волошина и Джоанны Хаец...

– Квон и Рамирес погибли?! – перебил я. – Как?

Карпович покачал головой и невозмутимо продолжил:

– Все, что у нас есть, это то, что увидели ваши коллеги, и перехваченная запись вашего сообщения, отправленного боссам на Землю. Мы надеялись, что вы проясните картину.

– А рука? – Я показал обрубок.

– Волошин и Хаец нашли вас, истекающего кровью, возле исследуемого объекта. К счастью, у них при себе был запасной баллон с кислородом и ремкомплект, позволивший восстановить ваш скафандр. Воспользовавшись реактивными ранцами, они подняли вас наверх и успели доставить на базу.

– Где они сейчас?

– Погибли, возвращаясь на Землю, – ответил новый начальник базы. – Их транспортный шаттл угодил в метеоритный поток.

Новость ошарашила, врезала под дых так, что стало трудно дышать. Не верилось, что я мог потерять всех своих бойцов. В голове не укладывалось, что их больше нет, ведь казалось, что мы общались только вчера...

– Так что вы единственный свидетель, – резюмировал Карпович.

– Свидетель чего? Я ничего не помню!

Карпович словно не услышал, начал монотонно задавать вопросы:

– Почему вы покинули экзоскелет? Что случилось с вашим скафандром? Отрубленную руку не нашли, как и тела погибших. Все исчезли, оставив после себя только скафандры и одежду. По следам выстрелов на стенах пещеры экспер-

ты однозначно утверждают, что был бой, но с кем? Что вы скрываете, Райли?

Закрыв глаза, я попытался вспомнить, и от этого усилия заболела голова, а вроде бы застывшие символы опять пустились в хаотический пляс. Когда они выстроились в столбик текста, я снова осознал их смысл:

Вида своего первый жаждет запрещенных знаний.

Там, где зародился путь, усталанный питающей жидкостью, да получит он ответ.

– Что вы там бормочете? – спросил Карпович.

Я открыл глаза, поняв, что проговорил слова вслух. Сказать Карповичу? И стать для корпорации подопытной мышью?

Нехотя я мотнул головой:

– Я ничего не помню. Могу описать тот день поминутно, но... Вы сказали, что я отправил запись на Землю? Черт, я даже не помню, что это делал. Что там сказано?

Карпович поморщился:

– Ничего конкретного. Некая активность в тоннеле, смутное движение, потерявшие работоспособность дроны. Из сообщения очевидно, что вы вели людей наверх. Волошин и Хаец утверждают, что доктор Джеральд Макграт настаивал на том, что должен вытащить застрявших в тоннеле дронов. Вы отказали, и тогда он сменил код доступа к подъемнику.

Вы приказали рядовым Волошину и Хаец спускаться, пояснив, что у вас ЧП. Когда они начали спуск, у вас завязался бой, вы якобы вступили в схватку с незримым противником, после чего связь отключилась. На месте, как я говорил, рядовые обнаружили вас и скафандры группы.

Я попытался как-то соотнести услышанное со смутными образами из памяти, но целостной картинки не получалось. Покачал головой:

– Простите, мистер Карпович. Никаких идей.

– Тогда нам не остается ничего другого. – Карпович поднялся и протянул мне планшет с текстом. – Это отказ от претензий. Согласно договору с вашей компанией, мы имеем право осуществить ментальное сканирование памяти в случае, если представитель «Стражей» отказывается сотрудничать.

– Но я не помню! – сдерживая крик, прорычал я, зная, что при таких процедурах велик риск повреждения мозга. – Никакого сканирования! Хотите, чтобы я стал овощем?

– Ставки слишком высоки, Райли, – ответил Карпович. – Это уже дело не только Первой Марсианской! То, что вы скрываете, важно для всего человечества!

– С чего бы это?

– С того, что изучаемый объект после инцидента с вами изменился! На плите проявились странные символы, их сейчас пытаются понять лучшие лингвисты и дешифраторы!

– Значит, что-то хорошее я все-таки сделал? – улыбнулся.

ся я, но Карпович не поддержал моего веселья.

– Что произошло с вами в пещере, Райли? Что вы скрываете?

– Я. Ничего. Не скрываю.

Карпович смерил меня взглядом, потом сменил тон, заговорив как обвинитель в суде:

– Значит, так, Райли. «Стражи», которых наняли охранять исследовательскую группу, провалили задание. Ваш работодатель повесил всех собак на вас и открестился. Вы уволены, причем задним числом. Ваша медстраховка, соответственно, не покрыла расходы на лечение, их взяла на себя Первая Марсианская. Знаете, во сколько вам обойдется место в пассажирском лайнере до Земли? Вам придется остаться на Марсе, и кто знает, увидите ли вы когда-нибудь свою семью? И что вы будете делать? Обещаю, ваше имя попадет в черный список. Работу вы не найдете ни на Марсе, ни на Земле. Подадитесь в пираты? Но вас не выпустят с базы, пока не покроете расходы на лечение.

– Какой у меня выбор? – обреченно спросил я.

– Пройдите ментальное сканирование. Я обеспечу вам место на лайнере.

– А черный список?

– Здесь я немного соврал, – признал Карпович. – Вы уже в нем. Как я и говорил, «Стражи» повесили на вас всех собак. Но, может, вам повезет, и на Земле вы найдете работу, не связанную с охраной? В конце концов, у вас там дом и се-

мья. Подумайте о них.

Мне не оставалось ничего, кроме как согласиться. Также пришлось подписать еще один документ, согласно которому я, Картер Райли, не имею права рассказывать, что вообще был в составе исследовательской группы.

– Держите язык за зубами, – предупредил Карпович. – А захотите поболтать, вспомните, что произошло с вашими рядовыми: Волошиным и Хаец.

Стилус в моей руке сломался. Не в силах сдержаться, я зарычал и схватил начальника базы за ворот.

– Так это ваших рук дело!

– Не советую, – спокойно произнес Карпович.

Я нехотя отпустил его. Угроза была недвусмысленной. Дураку понятно, что в этом деле замешаны такие силы, что меня сотрут и не заметят.

Сдерживая злость, я подписал и этот документ.

В тот же день группа экспертов по нейроинженерии собралась в моей палате с оборудованием. Голову обрили, надели ужасающего вида шлем с шипами внутри и вкололи что-то, после чего мозг отключился.

Медикаментозный сон, наверное, затянулся, потому что я пришел в себя в каюте пассажирского лайнера, летящего к Земле, а на голове уже отрос ежик волос.

Запястье уцелевшей руки облегал браслет дешевого коммуникатора. Наверное, выдали от Первой Марсианской.

Предположение подтвердилось, когда я нашел в нем голо-

графическое сообщение Карповича:

– Ментальное сканирование не дало результатов. Единственная приемлемая версия случившегося: вся группа подверглась неизвестному облучению, из-за чего помешалась и перестреляла друг друга. Возможно, то же облучение дезинтегрировало всю мертвую органику. Звучит бредево, но других версий у нас нет. Благодарю за сотрудничество, Райли. Хорошо долететь.

Через пару недель я спустился с трапа, содрогаясь от волнения и стыда. Как сказать жене и дочери о том, что теперь у меня нет руки? Что я теперь неполноценный, считай инвалид – восстановить здоровье с моими финансовым состоянием не представлялось возможным, перспективы тоже не радовали.

До дрожи в коленях боясь увидеть в глазах жены и дочери жалость, я поднял голову и почувствовал, как губы скривились в неловкой подрагивающей улыбке. В первое мгновение встречи даже подумал, что предпочел бы пропасть, чем вернуться в семью настолько потрепанным. Но неожиданные слезы не дали увидеть первую реакцию родных, а через мгновение я уже попал в удушающие объятия, и в голове зазвенело от радости и крика дочери:

– Папа, папочка, ты вернулся!

Загадочные символы, которые я видел после комы, к этому времени исчезли, как и жжение в глазах.

О случившемся напоминал только дешевый биопротез

на месте правой руки.

Глава 2. Спустя десять лет

– Доброе утро, Картер! – прозвучал из комм голос виртуального помощника. – Ты просил разбудить в 6:30. Напоминаю, что сегодня 27 октября. К обеду ожидается дождь, так что не забудь зонт, когда поедешь на собеседования. Первое назначено на 11:00 в Даунтауне, в ресторане «Донома», на позицию музыканта. Следующее – в 12:15 в «Амазон-Тесла», им требуются сортировщики возвратных...

Я поморщился и приглушил звук. Просыпаться не хотелось, день не сулил ничего хорошего. Очередные собеседования, очередные отказы... Но нужно вставать, выхода все равно нет.

Уже полгода я не мог никуда устроиться, медленно проедая накопления, из-за чего впал в черную меланхолию и пробовал получить работу даже в тех отраслях, где ничего не смыслил. На сегодня было назначено несколько рабочих интервью, включая одно с директором ресторана, которому требовался музыкант. Не то чтобы я был музыкантом, но в армии любил поиграть на губной гармонике, а потому надеялся, что меня хотя бы не выкинут за порог сразу, сначала послушают.

Кто знает, как давно бы я сдался, если бы не Микки. Курносое личико дочери с веснушками и улыбкой от уха до уха, которое я постоянно вспоминал, помогало не падать духом,

когда было трудно. А сейчас стало труднее всего.

Ровно десять лет назад, 27 октября, моя жизнь бесповоротно изменилась. В этот день, который я почти не помню, я лишился всего. Тогда, в марсианской пещере под кратером Скиапарелли, со мной что-то произошло. Что-то, что навсегда изменило жизнь... Но что?

Что-то, после чего я потерял руку и боевых товарищей, потом работу, а следом – семью и все, что накопил к двадцати семи годам.

Я вспомнил каменное лицо представителя Первой Марсианской... Как же его звали? Леонид... Карасевич? Сазанов? Карпович? Точно.

Да, Карпович выполнил свое обещание и отправил меня на Землю, к семье, оплатив место на пассажирском лайнере. Вот только когда радость встречи с дочерью и женой утихла, и я направился в компанию на свое прежнее место работы, меня не пустили дальше приемной бывшего босса. Карпович не соврал: меня уволили за «несоответствие занимаемой должности» без выходного пособия.

Поспрашивав знакомых из таких же охранных структур, я попытался найти работу, но мне везде отказали. Кто-то намекал на мою неполноценность, кивая на протез, кто-то причин не объяснял. Тогда я попробовал вернуться в миротворцы, но и там получил от ворот поворот. Старый офицер-кадровик, с которым мы несколько лет вместе служили, намекнул, что репутация моя испорчена произошедшим на Мар-

се. И хотя подробностей никто не знал, «Стражи» дали всем понять, что Картер Райли неблагонадежный.

Я стал бороться. Джослин и Микки во всем поддерживали меня... правда, жена – только до поры до времени. Почти год обивал пороги, пока терпению супруги не пришел конец.

– Если не берут военным, найди работу попроще, Картер, – устало сказала она в ответ на мою историю об очередном отказе. И добавила: – Любую! Любую, понимаешь? Хоть грузчиком, хоть уборщиком, хоть... Если хватит духу.

То, что под любой работой она подразумевала возможность побатрачить «торпедой» на криминал (были смутные намеки от бывших сослуживцев), до меня дошло не сразу. В чтении мыслей жены я никогда не преуспевал.

В итоге я устроился оператором погрузчика в космопорте. Протез позволял крепко держать что угодно, в том числе поручни управляющего контура экзоскелета, а большего там и не требовалось. Платили жуть как мало, но все же лучше, чем ничего.

Впрочем, Джослин так не считала. И все же говорить, что причиной развода стали лишь деньги, было бы несправедливо. Два года она поддерживала меня, оплачивала счета, работая в двух местах... Я, погруженный в свои проблемы, не замечал, что Джослин все меньше заботят мои неудачи, что все реже она появляется дома, иногда задерживаясь на работе до ночи.

Глаза открыли общие знакомые. То есть сначала Джослин

подавала на развод, а когда я начал разбираться, узнал, что она уже встречается с другим. Узнав об измене, пришел в такую ярость, что потерял рассудок и бросился разбираться с тем, кто, как я тогда думал, разрушил мою семью. Это было очень глупо, но тогда мозг как будто отключился.

Соперник оказался парнем не промах и дал сдачи. К прибытию полиции я уже и не думал о возмездии, больше заботясь о том, как бы не получить еще больше и не упасть. Устоял, а там уже нас разняли. Последствия опрометчивого поступка аукались мне по сей день. Проникновение в чужой дом, нападение на нового избранника Джослин, угрозы физической расправой – это в совокупности понизило мой гражданский статус и почти лишило каких-либо шансов на нормальную работу...

Дом после развода отошел жене. Тогда я остался вообще ни с чем и долгое время искал ночлег у знакомых. И ладно деньги, заработать не такая уж проблема, но судебное ограничение на встречи с Микки меня убило – раз в месяц! Нет, согласно постановлению суда, я мог бы видеть дочь и чаще, но для этого требовалось повысить мой уровень социальной значимости. Я стремился к этому как мог, буквально из кожи вон лез, однако каждый день ловил себя на том, что нахожусь от цели еще дальше, чем вчера.

Следующие годы прошли как в тумане. Я работал там, где закрывали глаза на мое прошлое и не требовали документов, выдавая зарплату нанобиткойнами на анонимный коше-

лек. Что-то уходило на жилье – убогую комнатуху в трущобах, – что-то на пропитание, остальное я сберегал, чтобы порадовать дочь. За несколько дней до встречи с ней становился бодрее, приводил себя в порядок, вычищал обувь, выглаживал одежду... Обязательно покупал какой-нибудь недорогой подарок вроде плюшевой игрушки или голографической книги о животных. Микки, как и я, любила читать.

Встречи с нею раз в месяц оставались якорем, тем единственным лучиком света в моей беспросветной жизни, благодаря которому я не опускал руки и продолжал бороться, но все равно медленно деградировал.

Привык питаться дешевой синтетической едой и почти каждую ночь разбираться с разбушевавшимися соседями, организовавшими притон, но чего никогда себе не позволял – чтобы дочь увидела меня жалким.

Именно поэтому каждая сэкономленная криптовалюта либо находила место на сберегательном счете Микки, либо шла на приличную одежду. Я продолжал упорно искать дополнительные источники заработка, надеясь, что когда-нибудь скоплю достаточно, чтобы открыть свое дело. Заветной мечтой было приобрести геологоразведочный шаттл и уйти в свободное плавание в Пояс астероидов. Всем доводилось слышать истории о найденных залежах платины и палладия, сделавших искателей богачами...

Вспомнив о своей мечте, я воспрянул духом и открыл глаза. Пусть и сегодняшний день не принесет работы, и зав-

трашный, но рано или поздно я куда-нибудь устроюсь – и тогда буду экономить на всем, но скоплю достаточно денег.

Надо мной нависал низкий потолок с отваливающейся штукатуркой. Я привычно глянул на него, прежде чем подняться, и не сразу осознал, что происходит странное. Сначала показалось, что потолок движется, но, поморгав, я убедился, что дело во мне самом. Глаза чесались.

Перед моим взором хаотично двигались ослепительно-яркие мошки.

– Что за...

Из глубин воспоминаний вылезло – это уже было. Почти десять лет назад, на Марсе, когда я вышел из комы!

Я покрутил шеей, и затылок отозвался ноющей тупой болью. Не иначе последствия вчерашней драки с не в меру разбушевавшимся соседом. Тот, приняв на грудь, принялся бить жену. Услышав ее вопли и крики о помощи, я не стерпел и пошел выяснять, что происходит. Сосед не уступал мне в габаритах, зато я владел приемами. Этого домашнего боксера я усмирил – принудил к миру, – но и сам получил.

Не обращая внимания на боль в затылке, я поднялся с кровати. Привычным движением задвинул ее в стену и замер. Странные символы начали замедляться, формируя ряды. Значит, тогда, на Марсе, все было взаправду? Все эти годы казалось, что увиденный там загадочный текст мне почудился, потому что ничего подобного больше не повторялось, но сейчас...

Белесые мошки-кометы выстроились в несколько рядов, и я вдруг осознал, что понимаю смысл:

Вида своего первый да очнется.

Найди путь к звезде, дабы стать поощренным.

Найти путь к звезде? К какой?

Словно убедившись, что его поняли и запомнили, текст дрогнул и рассыпался в исчезающую пыль. Я сморгнул, и жжение в глазах исчезло вместе с рунами-иероглифами.

Галлюцинация? Воспоминание о тексте засело в голове. Я порылся в ящике столика, нашел карандаш, блокнот и перерисовал увиденное по памяти. Сначала руны-иероглифы, потом написал перевод. Где-то я видел эти символы, но где?

Потер виски, пробуждая воспоминания. Почему-то казалось, что вспомнить не просто важно, а жизненно необходимо. Образ прошлого ускользал, как рыба в мутной воде, но память будто бы зудела, а значит, нужная информация в мозгу имелась.

Ругнувшись, я налил себе воды из-под крана и уставился на марсианский пейзаж в рамочке на стене. Память зачесалась с удвоенной силой, я напрягся...

Есть! Вспомнил! Сидус!

Я уже видел эти символы в новостях о Сидусе!

О загадочной космической станции в центре галактики знал каждый. Тем более я, ведь...

Ошеломленный озарением, я присел. Так, нужно успокоиться.

Тот разговор с представителем Первой Марсианской компании вдруг вспомнился отчетливо и ясно, словно состоялся только что. Леонид Карпович сказал, что изучаемый объект Предтеч после инцидента со мной изменился: на плите проявились странные символы, их пытаются расшифровать лучшие лингвисты.

Голографические кадры с этой плитой тогда обсуждал весь мир. Зашифрованное послание на ней содержало информацию о том, как решить проблему почти мгновенных межзвездных переходов – через гиперпространство. Также прилагались координаты, систему которых ученые хоть и с трудом, но все же поняли.

В общем, людям открыли путь к знакомству с внеземными цивилизациями. Солнечную систему человечество уже осваивало, с принципом работы и производством гипердвигателей разобралось, оставалась мелочь: рассчитать маршрут. Но здесь возникла проблема: совокупных мощностей всех компьютеров планеты не хватало, чтобы произвести точные расчеты для гиперпрыжка.

Я задумался, пытаюсь вспомнить цепочку событий. А что было дальше? Наши разведчики побывали на Сидусе и вернулись, а потом? Мне было неприятно вспоминать все, что было связано с проклятой плитой, потому я старался максимально абстрагироваться от информации.

Порылся в сети и запустил документальный фильм о Сидусе.

– Началось все с того, что шахтерский робот Первой Марсианской компании обнаружил загадочный объект под кратером Скиапарелли, – объявил закадровый голос.

Я хмыкнул. Вряд ли меня упомянут, но чувствовать себя причастным к истории было приятно. И больно.

Археологи обнаружили на Марсе следы древней цивилизации, вернее, один след – плиту из неизвестного науке материала.

– С легкой руки покойного профессора Джексона Ли, лидера исследовательской группы и поклонника научной фантастики, исчезнувшую цивилизацию называли Предтечами, – продолжал рассказывать закадровый голос. – В дневнике профессор объяснил свое решение тем, что в любой хорошей космической саге должны быть Предтечи!

В процессе раскопок выяснилось, что плита – это куб.

– Шел тринадцатый день раскопок, когда случилось кое-что странное, – нагнетая жути, рассказывал диктор. Кадры показали ту самую пещеру, и у меня замерло сердце. – До сих пор неизвестно, что именно произошло, но вся исследовательская группа исчезла. Не выжил никто.

«Значит, они решили замолчать мое участие, – подумалось мне. – Наверняка не осталось никаких документов, свидетельствующих о том, что я был в составе группы».

Рассказчик продолжал:

– Однако после исчезновения исследователей на плите проявились загадочные символы. Расшифровку их называли Первой задачей Предтеч...

Я остановил фильм, заморозив взгляд на один из символов на Кубе. Значок был похож на фиолетового скарабея с раздвоенными лапками. Такой же символ крутился у меня в голове, когда я очнулся после комы. Вроде бы я тогда понял смысл текста, но сейчас, глядя на символы на плите голоэкрана, видел лишь странные руны-иероглифы.

Болезненные воспоминания нахлынули с новой силой, ведь если бы я тогда быстрее всех решил Первую задачу... Но, видимо, это так не работало. Как я ни пялился на символы, ничего, кроме закорючек, не увидел ни тогда, ни сейчас.

Я снова запустил фильм, и диктор продолжил рассказ:

– Над задачей бились лучшие лингвисты Земли, но, лишь подключив вычислительные мощности новейших компьютеров, им удалось выяснить, что там было написано:

«Поздравляем, первый уровень пройден. Ищите второй, следуя инструкции...»

Люди получили первое доказательство того, что не одиноки во вселенной, а спустя время пришло и следующее.

Инструкция по активации второго уровня была одновременно простой и причудливой. Требовалось приложить к объекту различные химические элементы, причем синтезированные, отсутствующие в природе.

На это ушло около полугода, но все получилось.

Куб Предтеч раскрылся...

Глядя на то, как передняя сторона Куба растворяется в воздухе, я испытал глубинный страх, чуть ли не панику. Знал, что причин для страха нет, но почему-то ожидал, что из объекта полезут ужасные монстры.

Конечно, никаких монстров там не было. Поначалу казалось, что внутри Куба пусто, но стоило в него войти одному из исследователей, как проявился трехмерный экран, отобразивший новые символы. Располагались они не только во множество рядов, но и во множество слоев, словно огромный контейнер доверху набили буквами.

Расшифровка «Второй задачи Предтеч» заняла больше года. Ученые давали оптимистичные прогнозы, но было очевидно, что людям не хватает вычислительных мощностей. Правительство при поддержке ведущих корпораций мира призвало всех подключить свои устройства к решению «Второй задачи». Промышленность спешно перестраивалась на производство мощнейших процессоров, акции производителей которых взлетели до небес.

Объединенные общей идеей земляне сплотились и добились-таки своего, расшифровав послание. И первыми словами там было:

«Поздравляем, второй уровень пройден. Ваша раса готова к вхождению в галактическое сообщество».

Дальнейший текст содержал изящное решение, как осуществить межзвездные переходы с помощью гиперпростран-

ственных прыжков, а также – способ производства двигателей и координаты звездной системы Предтеч.

Производство первого шаттла с гиперпространственным двигателем заняло шесть лет. Несмотря на простоту проекта, подаренного Предтечами, прыжки требовали невероятных вычислительных мощностей, сравнимых с теми, что вся планета выделила на решение «Второй задачи».

Шаттл пришлось делать компактным, чтобы потребовалось как можно меньше вычислительной мощности для расчета гиперпрыжка, а потому в команду первопроходцев включили лишь трех человек. В медиа их называли Пилотом, Навигатором и Лингвистом.

Основное пространство шаттла заняли гипердвигатель и мощнейшие компьютеры, подключенные к Единому вычислительному центру на Земле.

Ученые не знали, что происходит с пространством в момент гиперпрыжка. Может, искривления пространственно-временного континуума такие, что вся прилегающая к кораблю материя и пространство просто аннигилируются? Чтобы не рисковать родной планетой, шаттл отлетел к Поясу астероидов. Навигатор рассчитал траекторию, шаттл исчез, и...

Все человечество приготовилось долгие годы ждать, когда он вернется. Никто не думал, что это случится мгновенно. Причем появился шаттл не у Пояса астероидов, а сразу у родной планеты.

В Центре предположили, что Навигатор ошибся и прыжок состоялся не к координатам Предтеч, а к Земле, но в этот момент на экранах появились улыбающиеся лица первопроходцев. Вот только путешественники изменились, будто помолодели лет на двадцать каждый. Причем раньше правая бровь Пилота была изуродована шрамом, а теперь стала абсолютно целой.

Первопроходцы приземлились и на несколько суток закрылись с руководством Центра, оставив лишь короткий комментарий: «Все получилось! Мы были в центре Галактики и вернулись!»

На глобальной пресс-конференции, за которой наблюдал весь мир, первопроходцы рассказали, что по указанным в послании координатам находился не родной мир Предтеч, а Сидус. Рассказчик умолк, дав слово участникам той встречи.

– Что такое Сидус? – загомонили журналисты, блогеры и стримеры. – Откуда такое название?

– Искусственная космическая станция, – подумав, ответил Лингвист.

– Говорят, что ее создали Предтечи, однако никаких доказательств тому нет, – заговорил Навигатор. – Точно известно одно: как только цивилизация становится развитой настолько, чтобы найти и расшифровать послание Предтеч, а следом и достигнуть Сидуса, на станции появляется участок, пригодный для жизни этой расы.

– Как вы общались с инопланетянами? – строго поинтересовалась седая дама в деловом костюме.

– Какие они?! – закричала симпатичная журналистка. – Зеленые человечки?

Зал рассмеялся, а Лингвист поднял руку, призывая к тишине. Впрочем, и он, и Пилот с Навигатором улыбались.

– Обо всем по порядку, – сказал Пилот. – Нам внедрили знание всеобщего языка, на котором говорят наши братья по разуму, так вот, в английском...

– И в китайском, – добавил Навигатор.

– Да и в русском, ни в одном земном языке нет слова, подходящего по смыслу, – заключил Лингвист. – С языка инопланетян название станции переводится примерно как «всеобщая земля, на которой происходит обмен благами и сотрудничество».

– Слишком длинно! – выкрикнул, посмеиваясь, усатый журналист в кепке.

– Именно, – согласился Лингвист. – Поэтому я предложил для названия станции взять что-то покороче. Выбрал варианты из латыни, мы проголосовали за *sidus*. Переводится как «звезда», так что в нашей версии названия станции есть неточность.

В этот момент меня осенило. Я снова поставил фильм на паузу. «Найди путь к звезде, дабы стать поощренным» – было сказано в сообщении, которое я увидел, проснувшись. Звезда – это и есть Сидус! Значит, мне нужно на Сидус?

Сдерживая возбуждение, я решил сначала досмотреть фильм, а потом действовать. Вернее, подумать над новой задачей, потому что, кроме отправки на Сидус, других идей пока не возникло.

– На что похож Сидус? – задал еще один вопрос усатый журналист. – На звезду?

– Да, вот вам еще одна загадка! – просиял Пилот. – Станция расположена там, где, как мы считали раньше, находится сверхмассивная черная дыра Стрелец А*. Однако это оказалось лишь маскировкой.

– Действительно, с другого конца галактики Сидус излучает в тех же диапазонах, что и черная дыра! – воскликнул Навигатор. – Но вблизи... Впрочем, посмотрите сами.

Я вывел с коммуникатора голограмму, в которой ярко мерцали мириады звезд. Камера развернулась, и перед ней всплыла странная конструкция явно рукотворной формы: сравнительно небольшой черный куб, грани которого словно перетекали одна в другую, и еще три куба в несколько раз больше, которые будто вырастали из центрального. Все кубы были переплетены витыми, похожими на пояс пучками энергии – они струились, как вода, но в то же время казались основательными, твердыми. Конструкция выглядела монументально.

– Кадры сделаны с нашего шаттла вблизи Сидуса, – пояснил Пилот. – На самом деле станция не очень большая... снаружи. Внутри же пространства куда больше, оно явно нели-

нейно.

Навигатор и Лингвист одновременно повернули головы к лидеру группы, и тот замолчал. Видимо, не все им позволили рассказать публике.

– Расскажите об инопланетянах! – напомнила о своем вопросе симпатичная журналистка. – Они зеленые?

– Есть и зеленые, – кивнул Навигатор. – Но в галактике множество цивилизаций! Правда, тех, кто прошел все уровни Предтеч и добрался до Сидуса, на порядок меньше. И это настолько разные формы жизни, что посещение их родных планет для нас исключено. Враждебная атмосфера, иная гравитация, чужеродные бактерии и вирусы... Это очень опасно. Зато на Сидусе эти условия регулируются самой станцией. Более того...

Первопроходцы рассказали, что Сидус как-то меняет метаболизм своих обитателей, позволяя сосуществовать самым разным организмам в единых условиях.

Кроме того, оказалось, что технологии там настолько развиты, что гиперпрыжок позволяет оказаться не только в нужной точке галактики, но и в нужном времени. Впрочем, выбирать временные координаты можно только в рамках промежутка, ограниченного моментом появления на Сидусе. Именно поэтому первопроходцы вернулись так быстро, хотя провели в центре галактики годы, изучая другие цивилизации.

Что уж говорить о бессмертии, улучшении тела, мани-

пуляциях с генетическим кодом и использовании энергии звезд и черных дыр?

При таком развитии природные ресурсы и энергия стали куда менее ценными. Миллионы одиночных шаттлов бороздили галактику, добывая все это и выставляя на глобальную биржу на Сидусе за галактические монеты.

Я подобрался, представляя себя искателем полезных ископаемых. На Сидусе определенно надо лететь! Есть только один нюанс...

– Монеты – это наиболее близкий перевод названия той валюты, что имеет ход в галактике, – пояснил Лингвист. – Однако привязана она не к золоту или энергии, а к вычислительным мощностям. Чем у тебя их больше, тем ты могущественнее. Понимаете, решение любых задач, от усиления тела и изменения внешности корректировкой генетического кода до гиперпространственных прыжков... Все это требует вычислительных мощностей. Подавляющая их часть принадлежит правительствам развитых рас и подобиям корпораций. А обычным... хм... скажем так, людям и инопланетянам требуется развивать свои вычислительные ресурсы самостоятельно или брать в аренду за галактические монеты. Грубо говоря, чтобы рассчитать наше возвращение на Землю, причем в то же время, из которого мы стартовали, пришлось одолжить двадцать семь монет Сидуса.

– Э... – поднялся сутулый журналист в роговых очках. – И сколько это примерно в реалиях Земли?

– Помните, сколько расчетов потребовалось, чтобы запустить нас на Сидус? – спросил Навигатор, и журналист кивнул. – По меркам галактики это примерно одна монета...

Я усмехнулся. Вот он, нюанс. Знали бы тогда эти журналисты, что всего через год монеты Сидуса станут чуть ли не основной криптовалютой мира! Технологии инопланетян были настолько могущественными, что Солнечную систему подключили к галактической системе платежей практически мгновенно!

Финансовые аналитики были уверены, что с появлением космической валюты остальные рухнут, но этого не произошло. Напротив, земные валюты прибавили в стоимости, когда биржа Сидуса включила их в список официальных. Как оказалось, многие из них были созданы на Земле с участием инопланетян.

– С начала прошлого века земляне активно используют криптовалюту, – начал говорить Навигатор. – Все помнят Сатоси Накамото? Знаю, знаю, его истинную личность так и не установили. Но факт в том, что один мелкий торговец-пират, рапторианец с Сарисуру, представитель одной из развитых цивилизаций, заблудился в нашей части галактики, набрел на Землю и застрял среди нас. Он понял, что мы доросли до компьютеров и глобальной сети, и решил использовать это в своих целях. В общем, этот пират адаптировал тело, приняв человеческую внешность, и втерся в друзья к Сатоси, подал идею и помог ему создать первую земную

криптовалюту.

– Биткойн? – вспомнил историю усатый журналист в кепке.

– Именно, – кивнул Навигатор. – А может, космический пират и был тем самым Сатоси? В следующие годы миллионы компьютеров обычных пользователей, майнеров, как их назовут позже, активно добывали биткойны, совершая немыслимое количество расчетов... необходимых этому пирату, чтобы вернуться на Сидус. Самих же майнеров, как известно, мотивировало вознаграждение в виде биткойнов.

– И что было дальше? – подняла бровь симпатичная блондинка в первом ряду.

– Он улетел обратно, – ответил Пилот. – Но, знаете, это уже мелочи. То, что мы увидели на Сидусе... Это какой-то сверхразум!

– Стоило нам состыковаться со станцией, как каждого из нас будто считали вплоть до последнего атома тела, вплоть до мельчайшего давно забытого воспоминания! – воскликнул Лингвист. – Нам словно внедрили собственный интерфейс. Не тот голографический, что в ходу у нас, а самый настоящий нейроинтерфейс...

Также они рассказали о том, как бились на Арене с настоящими инопланетянами за награды и, даже проигрывая и погибая на поле боя, воскрешались. По их словам, такие бои – самый доступный для новичков способ заработать первона-

чальный капитал. Однако земляне пошли еще дальше. Набравшись опыта, они выиграли небольшой турнир и на призовые омолодили свои тела.

На этом пресс-конференция закончилась. Все журналисты встали и начали аплодировать тройке первопроходцев. Закадровый голос торжественно объявил, что «именно так и началась новая эпоха в истории человечества».

Следом пошла выдержка из речи президента Земли Шеппарда, произнесенной в конце прошлого года. Президент заявил, что первый контакт открыл новые пути и подтолкнул человечество к кипучей деятельности, и в последующие два года земляне построили десятки новых шаттлов, устремившихся на Сидус.

В финале фильма закадровый голос подкинул интригу:
– Кто-то полетел на Сидус за бессмертием, кто-то – за галактическими монетами, на которые можно купить что угодно, а кто-то покинул Землю из обычного, но извечного для человека любопытства! И все же по сей день так и неясно, кто такие Предтечи, о которых на Сидусе знают не больше, чем на Земле. Зачем они создали Сидус? Эту загадку называли «Третьей задачей Предтеч», решить которую не смогли даже наши более развитые соседи по галактике.

На этом документальный фильм завершился.
Но память моя продолжала зудеть. Сменяя друг друга, кадрами проносились фрагменты из реальности и увиденных фильмов, в том числе этого. Нечто темное и огромное

поднималось из глубин подсознания, неизбежное, как магма, устремившаяся по жерлу вулкана и уже готовая извергнуться.

Резкая боль пронзила голову, но тут же исчезла. Разум словно очистился, прояснился, и я все вспомнил.

Вспомнил...

...застрававшие в тоннеле дроны, капрала Арона Квона, который полез за ними и не вернулся, кошмарных незримых «пауков», бой с ними, смерти исследователей и боевых товарищей, отсеченную руку...

Кровь на Кубе Предтеч...

Вспышку и проявившиеся на плите символы...

И то, что я – «вида своего первый».

Мне нужно на Сидус.

Глава 3. Начало пути

Память восстановилась полностью, и я дословно вспомнил сообщения, которые никто, кроме меня, не видел.

Вида своего первый да будет поощрен.

Проследуй туда, где зародился путь, усталанный питающей жидкостью.

Подумав, я улыбнулся. Все оказалось намного проще, чем можно было предположить.

Я «вида своего первый». Скорее всего, это значит, что именно я первым вошел в контакт с Предтечами. Произошло это, по всей вероятности, после того как на Куб попала моя кровь. Именно она активировала артефакт, проявила на нем древнее послание, а заодно уничтожила «паука». Или «пауков», если там прятались и другие.

Питающая жидкость – молоко, именно ею вскармливают новорожденных. Наша галактика называется Млечный, то есть молочный, путь. В ее центре, откуда «зародился путь», находится Сидус. Туда мне и надо, чтобы меня поощрили.

Следующее сообщение я получил, когда пытался вспомнить, что произошло в пещере:

Вида своего первый жаждет запрещенных знаний.

Там, где зародился путь, усталанный питающей жидкостью, да получит он ответ.

Очевидно, Предтечи не хотели, чтобы я как-либо помогал людям с расшифровкой послания, а потому заблокировали воспоминания о произошедшем. Возможно, и о «пауках» людям знать было нельзя, но лишь до поры до времени. Неслучайно память вернулась только сейчас, когда люди уже стали частью галактического сообщества.

Третье послание, полученное сегодня, прямо указывало, что делать:

Вида своего первый да очнется.

Найди путь к звезде, дабы стать поощренным.

Что-то в моей голове сняло блок на воспоминания и, «дабы стать поощренным», направило на Сидус. Такое название станции Предтеч дал Лингвист, а в переводе с латыни оно значит именно «звезда».

Я испытывал странные чувства. Куб Предтеч, а соответственно и Сидус, в марсианском подземелье лишили меня всего, но это лишь с одной стороны. С другой – они же подарили надежду.

Для подавляющего большинства людей Сидус был чем-то далеким и нереальным. В глобальной сети изобиловали

сторонники версии, что это всего лишь чудовищная по своим размерам мистификация правительства. Автор этой популярной версии заверял, что никакого Сидуса не существует, а иначе почему никто так и не вернулся оттуда, кроме первопроходцев и правительственных экспедиций, чьи путешествия вполне могут быть постановкой?

«На самом деле, почему?» – хмыкнул я. Сидус открыт чуть больше двух лет назад, гиперпрыжок к нему происходит мгновенно. Теоретически слетать туда и обратно можно за пару минут. Безусловно, первопроходцы привезли видеозаписи, но они могли быть поддельными.

Впрочем, на официальном уровне существование Сидуса сомнению не подвергалось. Человечество подключили к галактической системе платежей, открыли доступ к покупке технологий; какие-то из них уже появились в повседневной жизни. Кроме того, каждый месяц-два из Солнечной системы стартовал очередной транспортный шаттл на Сидус.

Основная сложность путешествия в центр галактики оставалась прежней: дороговизна. Земляне наладили производство гиперприводов, но маршрут прыжка приходилось рассчитывать каждый раз заново, а это требовало гигантских вычислительных мощностей. Их продавал Единый вычислительный центр, и стоили они так дорого, что позволить себе его услуги могли только крупнейшие корпорации.

Из сводки новостей по Сидусу я узнал, что в прошлом году начались частные запуски. Люди, мечтающие увидеть чу-

до своими глазами, создавали краудфандинговые кампании и собирали средства на покупку шаттла и расчет гиперпрыжка.

Ближайший запуск должен был состояться совсем скоро. Я перешел на страницу сбора средств. Кампания уже завершилась, что было ожидаемо, но меня интересовала стоимость билета. Самый дешевый, не позволяющий взять с собой даже ручную кладь, стоил больше, чем я заработал за всю свою жизнь. Сумма была настолько неподъемной, что обрушившееся осознание реалий мгновенно прибило воспарившую надежду.

Тяжело вздохнув, я погасил голограмму и начал собираться на собеседования. Хочешь не хочешь, а без денег не попасть не то что на Сидус, а даже на Луну.

Чертыхаясь, среди хлама в ящике я нашел губную гармонику, благодаря которой надеялся сегодня найти работу, и выбежал из комнаты, чтобы не опоздать. Перескакивая через тела перепивших соседей и залетных наркоманов, выбрался на улицу и рванул к подземке. Летать общественными флаерами для меня было дорогим удовольствием.

Уже в поезде метро я погрузился в неприятные воспоминания, прокручивая все, что тогда произошло в пещере, и заново проживая смерти друзей и коллег. Мысленно помолившись за погибших, я опять задумался о Сидусе: пытался вообразить, каково это – жить и работать на космической станции, где, кроме людей, есть представители еще десятка ино-

планетных рас. Ящеры, огненные и электрические сущности, разумные кристаллы... Как бы не сойти с ума. В сети писали, что некий Разум Сидуса, какой-то сверхмощный искусственный интеллект, внедряет каждому новичку знание всеобщего языка, но все равно не укладывалось в голове, как можно общаться с кем-то, кто не просто говорит на другом языке, а вообще дышит другим воздухом? История человечества такова, что люди воевали из-за куда меньших различий.

Стоило подумать о Сидусе, как сработала таргетированная реклама:

– Полминуты вашего внимания, гражданин Райли! – бодро, с задором проговорил голос прямо в голове. Такую иллюзию создавали имплантированные микронаушники, которые заряжались от электричества собственного тела носителя.

Ища любые способы заработка, я согласился уделять время просмотру рекламных предложений, за что получал на баланс пару нанобиткойнов в день. Мелочь, но все лучше, чем ничего. Тем более среди рекламных роликов попадались настоящие произведения искусства. Реклама транслировалась индивидуально на комм. Очевидно, ИскИн засек мой интерес к Сидусу.

Перед глазами развернулась голограмма космического корабля, устремившегося к звездам. Сопроводительный текст вспыхнул огромными буквами:

Не знаешь, чем заняться на Земле?

Тебе на Сидус!

Очередная краудфандинговая кампания собирала взносы на билет в один конец. Производство транспортного шаттла с гипердвигателем и расчет координат оценивались в сорок тысяч биткойнов, вмещал корабль около тысячи человек – по сорок монет с носа. Запуск запланировали на конец года.

Раздобыть сорок биткойнов до конца года я не смог бы, даже решившись ограбить банк. От наличности в мире давно отказались, персональные финансовые счета теперь децентрализованы, да и банки в реале можно по пальцам пересчитать. Основные офисы в сети, а в реале – сервера да обслуживающий персонал...

– Даунтаун! – Аэропоезд остановился, створки распахнулись. – Следующая станция – площадь Спящих.

Задумавшись, я чуть не пропустил свою остановку. Успел проскочить через закрывающиеся створки, протиснувшись через толпу входящих пассажиров.

Выйдя на улицу, сориентировался и направился к ресторану «Донома». Шансы на то, что меня примут, я оценивал как мизерные, но делать все равно было нечего.

В ресторане я назвал свое имя дроиду-официанту и сообщил, что пришел на собеседование.

– Следуйте за мной, мистер Райли, – ответил дроид и покатиł через весь зал.

Я проследовал за ним и оказался на кухне. Дроид продол-

жал катиться, я не отставал, но успел заметить, что еду здесь готовят из синтетических продуктов.

В тесном коридоре, где находились служебные помещения, дроид остановился возле двери управляющего. Голографическая табличка на ней гласила, что его зовут Уилсон Скорупски.

Войдя, я увидел сидящего за столом молодого мужчину в дорогом льняном пиджаке. Представившись и показав знаком, куда сесть, работодатель устался в голоэкран с резюме. Быстро изучив его, кивнул, оторвался от записей и с делано сочувствующей улыбкой покачал головой:

– Мистер Райли, в вашем резюме очень мало информации о предыдущем месте работы. Здесь сказано, что вы служили миротворцем... – Вспомнив, что полагается сказать по этикету, он с чувством произнес: – Разумеется, я благодарю вас за службу, капитан! Но не уверен, что...

Я жестом попросил его замолчать, сам же достал из кармана губную гармошку, собираясь выдать «Тоску по дому» – мелодию собственного сочинения.

– Давайте я сыграю? Послушайте и сами все поймете. В армии ребятам очень нравилось, да и коллегам по «Стражам» тоже.

Приложил инструмент ко рту, набрал воздуха...

– Это ни к чему, мистер Райли. – Скорупски выставил ладонь и покачал головой. – Пожалуйста, не на...

Но я не мог отступить, все как-то смешалось в этом мгно-

вении. Погибшие друзья, потерянная рука, годы безденежья и бесперспективности, а главное, нужда – острая нужда, которая хватала за горло. И стоимость путешествия на Сидус. Несправедливость жизни и всего происходящего придушила меня. Не для того я все это пережил, чтобы терпеть такую унижительную нищету! Тормоза отказали, в таком состоянии меня не смогла бы заткнуть ни пролетевшая мимо импульсная пуля, ни гравитационный взрыв под ногами – куда там какому-то самодовольному гражданскому тюфяку!

Я начал играть, надеясь, что «Тоска по дому», от которой был без ума даже наш бригадный генерал Норстад, увлечет Скорупски. Затянет, заставит черствое гражданское сердце забиться быстрее, а кровь – разгореться от бешеной смеси предчувствия неизбежной смерти, тоски по дому, пряной любви, несбыточных надежд и всепоглощающей радости после победы... Ведь когда я играл, каждый слушал затаив дыхание и чувствовал все это и даже больше.

Скорупски же поступил иначе. Ни черта он не понимал в душевной музыке! Скривившись не только лицом, но и всем телом, он подскочил на месте:

– Хватит! Немедленно прекратите! Что вы устроили, Райли?

Увлеченный мелодией, я не сразу его услышал, как обычно со мной и бывало: при первых же звуках проваливался в воспоминания. Мысленным взором я уже видел перед собой старых боевых товарищей, а потому не сразу расслышал

вопли.

Наконец до меня дошло, что Скорупски явно не восхищен и требует остановиться. Оторвав губную гармошку ото рта, я с недоумением посмотрел на управляющего.

– Что-то не так? Разве вам не требуется исполнитель... э... – Я полез в комм и зачитал текст объявления о вакансии: – Ресторану аутентично-романтической кухни «Донома» требуется исполнитель, владеющий редким музыкальным инструментом и способный сочинять собственные композиции. Губной гармоникой я владею искусно, композиции сочиняю, инструмент не сказать что широко распространенный. Вроде по всем пунктам подхожу...

– Нет! – Скорупски, смутившись собственной вспышки, успокоился и сел. – Нет. Вы нам не подходите. У нас приличное заведение, а не деревенская забегаловка. К нам ходят семьи! С детьми! А у вас что? Терменвокс? Банджолеле? Нет, у вас губная... – его лицо перекосило, – гармошка.

Я сдурлся. Не уловил, чем так противопоставлена гармошка семьям и детям, но спорить не стал. Так привык к отказам, что даже не расстроился. В любой ситуации нужно оставаться человеком, не унижаться, ничего не просить и сохранять достоинство. Этому меня учил отец, и тому же я научил бы сына, имейся у меня таковой.

– Спасибо, что откликнулись на вакансию, но вы нам не подходите, – повторил Скорупски, вернувшись к своему холодно-вежливому тону.

– Спасибо, что уделили время, – поднявшись, сказал я. И уже хотел уйти, но, не удержавшись, все же заметил: – А кухня у вас, кстати, так себе. В деревенских забегаловках кормят лучше.

Выходя на улицу, подумал, что насчет кухни не покривил душой: синтезированные ингредиенты всегда чувствуются. Вроде бы на вкус то же самое и текстура такая же, как у органических продуктов, но разница ощущается на каком-то подсознательном уровне.

Даунтаун, где я сейчас находился, гудел как улей. Сотни наземных дорог кишели автомобилями, воздушные трассы – флаерами, огни голографической рекламы кружили голову, тысячи людей, андроидов и роботов-доставщиков сновали по своим делам. Перенаселенный город жил, работал, мечтал, к чему-то стремился, и только я стоял, прижавшись к стене здания, чтобы не унесло людским потоком, и понятия не имел, что делать дальше. Не сейчас, а вообще...

Поразмышляв и тяжело вздохнув, я уже собрался неторопливо влиться в движение, но тут прямо передо мной заволновалась и зашумела людская река. Кто-то споткнулся на ровном тротуаре, задев идущего впереди человека, откуда-то сбоку прилетел портфель, движение застопорилось.

Из толпы вывалился металлический скелет дроида, пошатнулся, но восстановил равновесие и посмотрел на меня. Красные глаза робота полыхнули, сигнализируя, что ведется запись.

– Гражданин Райли, – трескучим голосом заговорил дроид. – Вы загораживаете путь рабочему роботу корпорации «Сайбердайн Системз». Напоминаю, что в случае намеренного препятствования передвижению корпоративной собственности...

Я невольно поморщился и уступил дорогу, вернувшись на порог ресторана.

Дроид развернул голову на сто восемьдесят градусов и сообщил:

– Благодарю за сотрудничество, гражданин Райли. Хорошего дня! – После чего железной поступью удалился по своим корпоративным делам.

Глубоко вздохнув, я собрался с духом и упрямо шагнул в поток. Меня немедленно понесло-потатило ниже по улице, к площади Спящих, хотя я туда не собирался. Пришлось поменять траекторию движения так, чтобы уйти в надземный переход, который в итоге вывел на второй уровень улицы. Движение здесь было не менее насыщенным, но все же не таким напористым, как внизу. Люди парковали тут воздушный транспорт.

Я перешел на другую сторону улицы и, повертев головой, направился к памятнику Марку Уотни – первому землянину, который побывал на Марсе. Площадка вокруг него была оккупирована голубями, но у подножия оставалось место, куда можно присесть и подумать, что делать дальше.

Продолжать искать работу или все же попытаться найти

путь на Сидус другим способом? Как я ни ломал голову, а ничего толкового на ум не приходило. Украсть личность кого-то из тех, кто купил себе билет на Сидус, а его самого временно нейтрализовать? Нет, это воровство, душа к такому не лежала. Откуда-то из глубины разума всплыла, может быть, наивная и пафосная мысль: «вида своего первый» не может быть вором и преступником. Следом пришел довод попрacticalнее: под чужой личиной не пройти теста ДНК, который неизбежен при досмотре в космопорте.

Очень хотелось есть. Позавтракать я не успел, а время шло к полудню. Перекусив питательным батончиком, я запил его водой из питьевого фонтанчика и побрел к следующему потенциальному работодателю...

Остаток дня я провел в Даунтауне, побывав еще на трех собеседованиях.

О первом и вспоминать нечего, в «Амазон-Тесла» меня не пустили дальше порога и развернули, лишь увидев биопротез.

На втором поначалу все складывалось удачно, меня почти приняли в пиццерию контролером дронов-доставщиков, но когда выяснилось, что зарплаты не будет, одни чаевые, я сам отказался. Кто дает чаевые дронам? Вот именно. Разве что другие дроны.

А вот с третьим местом все сложилось удачно. Ну как удачно... Место я получил, вот только никак бы не назвал это работой мечты.

Вообще, если бы не подписка на рекламу, я мог бы и пропустить новость, что Первая Марсианская компания снова набирает шахтеров в Пояс астероидов. Именно из рекламного ролика я узнал, что принимают всех. Прямым текстом говорилось, что компанию не интересует «бэкграунд соискателей». Судя по всему, в космические шахтеры брали даже тех, у кого имелись проблемы с законом.

Само собеседование длилось не больше минуты и проходило по голосвязи, даже идти никуда не пришлось. Так что я устраивался на работу, сидя на улице у стены здания Исторического музея.

Джонатан Элиот, молодой человек с гривой длинных волос, нашел мое имя в списках соискателей, представился и попросил скинуть идентификационный гражданский номер.

Изучив что-то в профиле, он радостно сообщил:

– Ваша кандидатура одобрена, мистер Райли! Поздравляю! Готовы подписать контракт или вам нужно время подумать? – спросил он, сверкая искусственными зубами, искрящимися, как бриллианты.

– Так сразу?

– Э... А что вас не устраивает? Конечно, если хотите, можем поболтать еще. Я спрошу, где вы видите себя через пять лет, и почему мы должны вас принять, и по какой причине вы ушли с прежнего... прежних мест работы, но зачем? Нам нужны шахтеры, вам нужна работа. Обе стороны в вы-

игрыше, ведь так, мистер Райли?

Так. А больше всех выиграет третья сторона – рекрутер Элиот. Этот патлатый парнишка слишком гладко стелил, видимо получая долю с каждого контракта...

Да и черт с ним.

Я хмуро кивнул и поинтересовался:

– Когда нужно приступить к работе и сколько платите?

– Орбитальные шаттлы взлетают со всех космодромов планеты ежедневно. На следующий день после подписания контракта вам нужно прибыть в ближайший космопорт, найти нашего представителя и... На этом все, дальше вам скажут, куда идти и что делать. Оплата сдельная, зависит от выработки, с базовым фиксированным окладом в минимальном размере, установленном законодательством.

– А конкретнее? Сколько примерно зарабатывают ваши шахтеры?

– В среднем не менее тысячи фениксов в неделю, мистер Райли, – ответил Элиот.

Феникс был государственной криптовалютой и регулировался не рынком, а правительством. Благодаря этому курс его оставался стабильным, но популярностью феникс все равно особо не пользовался.

– Звучит неплохо, – выдавил я, прикинув, сколько буду зарабатывать в нанобиткойнах.

Получалось, придется проработать в Поясе астероидов каких-то семьсот лет, чтобы накопить на билет к Сидусу.

Но все равно зарплата была куда выше, чем я где-либо получал за последние десять лет. Поработаю год-два, а там, глядишь, рейсы на Сидус подешевеют или подвернется что-то еще.

Элиот мое замешательство принял за сомнения и усилил натиск:

– Поверьте, Первая Марсианская заботится о своих сотрудниках! Хочу напомнить, что в Поясе у вас не будет никаких затрат. Все, включая питание и проживание, за наш счет!

– Когда я смогу вернуться на Землю?

– Минимальный срок службы – год. Однако мало кто возвращается сразу. На Церере прекрасная база со всем, что есть на Земле. Бары, рестораны, центры релаксации... – Молодой человек подмигнул. – Жить будете как на курорте!

Глядя на лучащегося от счастья менеджера, я мысленно обругал его, не особенно стараясь убрать с лица скептическое выражение. Дураком я себя не считал и прекрасно понимал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловке. Но куда мне было деваться? К тому же тысяча фениксов в неделю – неплохие деньги. Не заоблачные, но достаточные, чтобы достойно жить, ни в чем не нуждаясь. Подзаработать на новую полноценную руку, создать запас на будущее, а потом можно вернуться и попробовать на Земле найти работу получше – чем не план?

В любом случае даже такая работа – лучше, чем бездей-

ствие. Сидя сложа руки на Сидус не попасть.

– Ладно, – кивнул я. – Присылайте контракт.

Элиот улыбнулся еще шире и выдал голографический текст договора. Я внимательно его изучил, не нашел подвохов и подписал, приложив ладонь.

– У вас день, мистер Райли, – напомнил Элиот. – Не явитесь завтра в космопорт... В общем, не опаздывайте, иначе возникнут проблемы.

Какого рода проблемы – он не уточнил, попрощался и отключился.

И в этот момент я осознал жуткую вещь: что как минимум год не смогу обнять Микки. До ближайшего космопорта лететь часа три, а ведь еще нужно собрать вещи, отказаться от арендованной комнаты, попрощаться с друзьями... Нет. С утра в первую очередь нужно повидаться с дочерью.

Полночи я собирался. В космос с собой много не возьмешь, да и не надо, а вот об остальных вещах стоило позаботиться. Не то чтобы они имели ценность, но были дороги как память. Немного поспав, я еще затемно сходил и сдал все, дорогое сердцу, на склад временного хранения.

При мне остался лишь рюкзак со сменным бельем и древним голографическим планшетом. Элиот говорил, что на Церере нам предоставят все необходимое, так что я без колебаний выкинул старую латаную-перелатаную одежду. Вряд ли она теперь пригодится.

Потом вернулся в снимаемое жилье и сдал его дроиду-ме-

неджеру. Это позволило вернуть депозит – появились деньги на подарок Микки и чтобы добраться до космопорта.

Уже с улицы я связался с бывшей женой. Предполагал, что договориться о внеплановом визите будет непросто, и еще больше уверился в своих опасениях, когда Джослин с явной неохотой ответила на звонок и с вызовом презрительно выплюнула:

– Чего надо, Райли?

Я тяжело вздохнул, подавил гнев и принялся уговаривать бывшую жену, чтобы позволила попрощаться с дочерью.

– Хорошо, – вздохнула Джослин. – Можешь приехать. У тебя будет час, чтобы повидать Микки и попрощаться. О большем не проси.

До пригорода, где жила бывшая, добирался я часа два. По пути заехал и купил для Микки маленького, с кулак, робокотенка. Дочь о таком давно мечтала.

Дальше я ехал без остановок и чем был ближе к дому, где раньше жил, тем больше волновался. Вот знакомая площадка с фонтаном, а за следующим поворотом – серебристая крыша моего дома. Бывшего дома.

Настроение тотчас испортилось. Мне было больно приезжать сюда примерно так же, как на кладбище к матери, которой еще бы жить и жить, но новый штамм вируса Рока вынес ей приговор.

Здесь был любимый дом, где навсегда в заложниках осталась часть моей души. Дом, куда можно приезжать не чаще

раза в месяц. Порой казалось, что без этого дома мне больнее и труднее, чем без руки.

Я только вышел из машины, а Джослин, очевидно, ждавшая на пороге, открыла дверь и позвала дочь. Дальше порога бывшая меня не пустила.

– Папа приехал! – донесся сверху радостный голос Микки, а вскоре спустилась и она сама.

Обернувшись к матери, дочь спросила:

– Можно папа зайдет в мою комнату?

– Нет. Прогуляйтесь, пообщайтесь, а в нашем доме мистери Райли делать нечего. – Джослин посмотрела на меня и одними губами напомнила: – Час.

А дочь упрямо поджала губы и сказала:

– Я тоже Райли!

Тяжело вздохнув, я обнял дочь и с трудом сдержал навернувшиеся слезы. Целый год! Сейчас я уже не был уверен, что поступил правильно, подавшись в шахтеры. Впрочем, обратный путь отрезан, а контракт подписан.

Будто что-то предчувствуя, робокотенку дочь не очень обрадовалась, даже не стала распаковывать. Отнесла к себе в комнату, вернулась, и мы пошли гулять.

Осень в дистрикте выдалась очень жаркой, шататься по такой погоде – сущее мучение, а потому я посадил Микки в арендованную машину и повез в парк, где можно было прогуляться в тени вековых дубов и вязов, поесть мороженого и выпить содовой. Новость о том, что улетаю в Пояс

астероидов, я решил отложить напоследок, а о Сидусе вообще пока ничего не собирался рассказывать. Микки не удержится, поделится с матерью, а та найдет лишний повод называть меня ненормальным.

Отпущенное время лучше было потратить не на слезы, которые обязательно хлынут у Микки, не на обещания, уверения и сожаления, а на обычную болтовню и дурачество. Сразу вспомнились годы, проведенные вместе, то, как дочь росла, как любила со мной играть или вместе заниматься ничегонеделаньем. Как мы часами бегали во дворе, гоняясь за ее растолстевшим и разленившимся псом, или объедались пиццей, сговорившись скрыть сей факт от матери. Теперь всего этого в моей жизни не будет как минимум год. А может, и больше...

Потому я натянул на лицо самую беззаботную из своих улыбок и, стараясь не смотреть дочери в глаза, предложил купить мороженое.

Но Микки мне никогда не удавалось провести. Даже когда ей было четыре, а я убеждал, что наш первый пес, корги Рокки, отправился в волшебную собачью страну, из которой любимцы не возвращаются, потому что не хотят, она не поверила. Сейчас ей уже двенадцать, она повзрослела и поумнела, а потому взяла меня за руку, потянула к себе и внимательно посмотрела в глаза. Брови дочери почти соприкоснулись над переносицей, отчего лицо ее стало и потешным, и суровым.

Микки помолчала минуту, а потом сказала всего одно слово:

– Говори.

Если я и мог чем-то гордиться в своей жизни, то только дочерью – не по годам умной, проницательной и рассудительной. Всю мою исповедь она выслушала, сверля взглядом орущих и носящихся за нашими спинами детей, и только в самом конце строгим голосом уточнила:

– Значит, мы не увидимся целый год?

Я почувствовал себя ужом на сковородке. Голову неожиданно сильно припекло солнце, и под требовательным взглядом дочери я принялся топтаться на месте, бормотать какую-то чепуху, которую вовсе не собирался говорить:

– Ну, год – это же всего ничего, оглянуться не успеешь. Ты закончишь шестой класс, и я вернусь. А там разбогатею... – Я сбился, потом начал врать: – Это знаешь какая работа?! Ух! Конкурс был огромный, народу – не протолкнуться, а взяли только меня. Большие деньги заработаю, вот вернусь – и поедем с тобой к морю. Или на Луну, да? Ты же всегда хотела там побывать! А еще возьмем тебе щенка, как ты мечтала, и кучу... – Я бы, наверное, еще долго нес ерунду, заикаясь на каждом слове и выдумывая немыслимые богатства, которые не светили мне ни при каком раскладе – во всяком случае, не с этой работой и не с такой рукой.

Но Микки, внимательно посмотрев на меня, тяжело вздохнула, сжалась и просто сказала:

– Я буду скучать. Очень-очень.

Обнимая дочь, я почувствовал, как на глаза навернулись слезы. Может, ну ее, эту шахтерскую работу, ну что мне сделают, если не явлюсь? Не убьют же, в самом деле. Микки за год вырастет, станет совсем другой, а я все пропущу – не смогу видеть ее даже раз в месяц.

Микки, кажется, думала о том же. Потому что, отпустив меня, вдруг принялась судорожно копаться в своем рюкзаке. А через мгновение с победным вздохом выудила оттуда новомодную коробку-клетку. Этот продукт современных технологий не так давно купила ей мать, так что теперь Микки могла повсюду таскать с собой ручного хомяка, не опасаясь рассыпать подстилку, потерять его или случайно раздавить. Технологическая клетка сама следила за состоянием питомца, поддерживая оптимальные для жизнедеятельности параметры, что самым благотворным образом сказалось на рыжем мохнатом комке, лоснящемся сейчас на солнце. И, конечно, там было шаровое колесо, бегать в котором грызун мог в любом направлении.

– Вот, пап, – гордо заявила Микки, сунув коробку мне под нос, – возьми с собой. Его зовут Тигр, он... Он присмотрит за тобой.

Я в первое мгновение растерялся – к чему мне хомяк в Поясе астероидов? Выдержит ли он перегрузки? Невесомость?

Хомяк, кажется, тоже в восторг от этой идеи не пришел,

презрительно посмотрев на меня прищуренными от яркого солнца глазами.

– Он тебя защитит, если снова влипнешь в неприятности, – уверенно проговорила Микки, сморгнув выступившие слезы.

Толстые мохнатые щеки хомяка возмущенно надулись, усы затряслись. Но, кажется, спрашивать ни хомяка, ни меня никто не собирался.

Глава 4. Космопорт

Когда я зарегистрировался на рейс до Цереры, до посадки оставалось часа два.

Орбитальный шаттл, в народе называемый Лифтом, вознесет нас в космос и состыкуется там с пассажирским лайнером, зафрахтованным Первой Марсианской компанией. На нем мы и полетим к Поясу астероидов на карликовую планету Церера, где земляне разбили базу, специализирующуюся на изучении внешних планет. Также огромный вклад в микроэкономику Цереры вносит добыча полезных ископаемых.

Как в наше время известно любому школьнику, в Поясе просто кладезь золота, кобальта, осмия, палладия, платины, рения, родия и рутения. Если ученые не ошибаются, все эти металлы на Земле по факту – космические гости. Они по сути – остатки астероидов, которые свалились на нашу планету во время ранней метеоритной бомбардировки. Случилось это тогда, когда земная кора начала остывать.

Я вспомнил это, разыскивая место, чтобы скоротать время до посадки.

Космопорт жил своей жизнью, напоминая вокзал начала века, только рев от взлетающих кораблей стоял такой, что и в помещении хоть уши затыкай. Сектору, где я сидел, было далеко до VIP-зон. Отсюда стартовали только рабочие – на Лу-

ну, Марс или в Пояс астероидов.

Зато нашлось несколько ресторанов и кафе, в одном из которых я и решил пересидеть, заняв место в самом углу, лицом к стене, чтобы побыть наедине со своими мыслями. Если вербовщик не соврал, деньги на Церере мне не понадобятся, так что я решил покутить напоследок, заказав не только двойной бургер из настоящей органики, но и салат из свежих овощей.

Неторопливо и со вкусом пережевывая сытную еду, натуральный вкус которой позволял сполна насладиться чревоугодием, я беседовал с хомяком. Поставив клетку на стол напротив тарелки, изливал ему душу, а Тигр внимательно и сочувственно слушал, то и дело согласно подрагивая необъятными щеками и пощелкивая органическим кормом, «содержащим полный набор витаминов и питательных веществ, необходимых счастливому питомцу». Закончив задушевную совместную трапезу, я чокнулся опустевшим стаканом со стенкой клетки и грустно подвел итог:

– Вот так-то, Тигра. Такой вот я чертов неудачник.

Хомяк был во всех отношениях приятным собеседником. Не перебивал, охотно слушал, сочувствовал, лишь изредка прерываясь на то, чтобы накрутить пару сотен кругов в своем колесе. Я же, разговаривая с ним, представлял, что исповедуюсь перед дочерью. Давно заметил, что, когда проговариваешь проблему, создается более полная картина.

– Хотите добавки? – поинтересовался подкативший дро-

ид-официант.

Долив газировки был бесплатный, а я столько нарассказывал хомяку, что в горле пересохло.

– Не откажусь.

Дроид наполнил стакан и отъехал. Я залпом его опустошил, а когда поставил на стол, рядом появился мужчина лет шестидесяти, почти седой, грузный, с выпирающим из-под рубашки пузом. Взгляд его бегал, словно незнакомец боялся смотреть мне в глаза.

– Прошу прощения за беспокойство, – сказал он, тяжело дыша. – Вы не в Пояс?

Я кивнул, не настроенный общаться, уже выговорившись перед хомяком. Мне сейчас хотелось покоя, да и человек не понравился.

– Случайно не по контракту с Первой Марсианской? – задал еще один вопрос неприятный мужчина.

– Именно, – лаконично ответил я и не удержался, съязвил: – А что, в Поясе кто-то еще работает?

– О, много кто! – всплеснул руками мужчина. – Простите, я не представился. Ирвин. Ирвин Горовиц.

Руки он не протянул, напротив, спрятал за спину. Я назвал свое имя и критически изучил Горовица. Одет тот был в недешевый, но выдавший виды костюм, а из расстегнутого пиджака выглядывала мятая рубашка. Ирвин никак не походил на будущего шахтера. Что он забыл в Поясе? Да и на сотрудника Первой Марсианской совсем не тянул...

Тем временем человек, представившийся Ирвином Горовицем, не замечая моей неприязни, показал взглядом на стул:

– Не против?

Только сейчас я обратил внимание, что гул ожидающих усилился, причем с каждой минутой выкрики становились все более нетрезвыми, и огляделся. Пока я ел и общался с хомяком, сектор посадки заполнился публикой разной степени потрепанности. Даже в кафе не осталось ни одного свободного столика.

Я пожал плечами:

– Садитесь.

Ирвин тяжело опустился на стул напротив, покосился на хомяка и вздохнул:

– Вы, наверное, думаете, что мне здесь не место? Какой из меня космический шахтер, ведь так?

– Ничего я не думаю.

– Я все же объясню, – сказал Горовиц, и по его тону стало понятно, что это скорее нужно ему, чем мне. – Понимаете, я всю жизнь работал на фондовом рынке...

– Рад за вас. Только не понимаю...

– Дослушайте! – горячно перебил навязчивый собеседник. – Я сделал состояние, но потерял его во время панического обвала – помните, когда открыли Сидус? Народ тогда решил, что грядет конец света или по меньшей мере все земные корпорации обанкротятся... Потом... – Он почмокал гу-

бами, взгляд его наполнился вселенской печалью. – Потом...

– Вложились в оборонные технологии, решив, что грядет война с чужими, и разорились?

– Нет, хуже. Запаниковал, вышел в деньги и вложился в «Дрисколл Инкорпорейтед».

– Без понятия, что это.

– Производство бункеров! – объявил Ирвин, словно это все объясняло. Впрочем, я и в самом деле понял – и чуть не рассмеялся ему в лицо.

– Это вы зря.

– Тогда так не казалось! Но вы правы. Зря, потому что апокалипсиса не случилось и паника быстро спала. В общем, я прогорел. А потом... – Ирвин запнулся, махнул рукой. – А, чего уж там, это и так не секрет. Я, значит, начал играть на бирже деньгами клиентов. От тюрьмы удалось откупиться, но остался ни с чем. Слетел в самый низ гражданской иерархии... Даже дети от меня отказались и запретили общаться с внуками...

– Сочувствую, – сказал я и на этот раз не соврал. Ведь сам страдал из-за того, что суд запретил частые встречи с Микки, а потому впервые почувствовал к Горовицу симпатию. – И тогда вы решили податься в Пояс?

– Ха, решил! – крикнул тот. – Если бы! У меня не оставалось другого выхода, потому что работы на Земле не нашел, как ни старался... В общем, решил начать новую жизнь.

– Шахтером? – удивился я.

– В этом я ничего не смыслю! – Горовиц издал нервный смешок. – Но меня взяли учетчиком. На Цереру. Так что будем работать вместе.

Жестом подозвав дроида, он заказал себе двойной виски и, глянув на меня как на собрата по несчастью, поинтересовался, не составлю ли я компанию. Выпить хотелось, но после драки с ухажером Джослин восемь лет назад я не только зарекся употреблять спиртное, но и запретил себе все, из-за чего мог бы потерять над собой контроль.

– Не пью.

Ирвин посмотрел удивленно, но во взгляде промелькнуло уважение.

– А я не могу себе отказать, – будто оправдываясь, пробормотал он. – Никаких других радостей в жизни не осталось.

Ожидая посадки, мы обсудили будущую работу в Поясе, я скупко рассказал о себе, о Микки и подаренном ему хомяке, после чего Ирвин, приняв озабоченный вид, прошептал:

– Мистер Райли, позвольте мне держаться вас? Лететь к Поясу недели две, не меньше, а коллеги у нас с вами... – Он заозирался. – Сами видите.

Я огляделся: контингент и правда собрался тот еще, но увиденное не особо впечатлило – за последние годы я не только посмотрелся на таких, но и общаться с ними научился.

Будущие работяги выпивали как в последний раз, и воз-

дух пропитался въедливым спиртовым духом. Как у многих во хмелю, у собравшихся развязались языки, и гул голосов все нарастал. Особенно шумно вела себя четверка, занявшая огромный стол по соседству. Судя по тому, что мест за столами не осталось, а к ним никто не подсаживался, этих ребят побаивались. И было за что.

Больше всех шумел крупный мужчина с кривым, неоднократно сломанным носом. Телосложением здоровяк не уступал мне, голова у него была огромной, как котел. Он громко хохотал, зычно говорил и вообще занимал очень много пространства. Лысый качок, черноволосый бородач и неприметный верткий мужчина заглядывали ему в рот.

В глаза бросались выпуклые бугорки шрамов на руках кривоносого здоровяка. Мой боевой товарищ Арон Квон, погибший в той марсианской пещере, кое-что знал о делах Триады: такие шрамы на руке создавались специально и значили трупы. У мужика их насчитывалось не меньше сотни, они холмиками покрывали оба предплечья, и при одном их виде у меня пошли мурашки по коже. Впрочем, это были лишь домыслы, так как кривоносый сидел лицом ко мне, а потому я не видел, есть ли на шее татуировка дракона – символ принадлежности к Тriaде.

Странно, с чего бы члену такой могущественной преступной группировки набиваться в шахтеры?

– Что-то здесь не то... – Я и сам не осознал, что озвучил мысли.

– Вам тоже показалось это странным? – оживился Ирвин, наблюдая, как к столу уголовников подходят три девушки.

Две брюнетки улыбались, но имели заморенный вид. Я на таких насмотрелся среди соседей – стопудово наркоманки. А вот фигуристая блондинка с розовыми прядями казалась посвежее. Держалась она немного отстраненно.

– То, что кругом нищebroды и преступники, как раз таки не странно. Непонятно, что здесь делает действующий член Триады?

– Может быть, его просто изгнали? – прошептал Ирвин, подавшись ко мне всем телом.

– Из Триады изгоняют только в могилу. Нет, здесь что-то другое...

Отвернувшись, я прислушался к тому, что говорит здоровяк:

– В общем, держитесь меня! Жить будем как в сказке! За это ручаюсь!

Подвинув солнцезащитные очки Ирвина, лежащие на столе, так, чтобы там отражался интересующий меня столик, я заметил, как к здоровяку прильнула одна из брюнеток.

– Слушайте Грегора, – сказала она. – В обиде не останетесь, Грега недаром прозвали Головой!

Тот важно кивнул, смачно поцеловал ее в губы. Оторвавшись, обвел взглядом каждого за столом и заговорщицки общил:

– Если все получится, работать не придется, парни. Най-

дутся лохи, что будут делать это за вас. Сами знаете, корпорациям плевать, что происходит в Поясе, им главное, чтобы вы делали норму выработки и не забывали сдавать добытое. А сами вы что-то добыли или нет, их не интересует.

– Да там, поди, уже все поделили, – скептически хмыкнул лысый мужик с бычьей шеей. – Точно вам говорю, на каждой станции Пояса давно есть свои бугры. Вот ответь мне, Грег Голова... С чего ты решил, что хватит силенок отмахаться от старичков?

– Точно, Грег! – делано озабоченно воскликнула первая брюнетка. – Как ты думаешь подвинуть бугров? Вряд ли они сами уступят нам насиженные местечки!

– Ох, Марла, – улыбнулся ей Грег. – Не хотел показывать парням раньше времени, но раз волнуются, покажу. Только... – Он повернулся к блондинке, ткнул в нее пальцем: – Давай, Крисси! Ты знаешь, что делать. Покажи, что умеешь.

Блондинка по имени Крисси кивнула, вытащила из сумочки какой-то гаджет и активировала его. Над столом развернулся полупрозрачный маскировочный купол, смазавший фигуры всех сидящих. Край купола проходил совсем рядом, и я очень медленно передвинулся вместе со стулом так, чтобы видеть происходящее под маскировкой. Ирвин, чуть помедлив, сделал то же самое. На нас никто не обратил внимания.

Шумно отодвинув стул, Грег Голова поднялся. Я мысленно присвистнул – мужик был где-то на голову выше меня.

Продемонстрировав бицепсы под одобрительные возгласы сидящих, он взял стеклянную бутылку из-под пива, стиснул ее в кулаках и сжимал до тех пор, пока стекло не осыпалось мелкой крошкой, а потом показал раскрытые ладони.

– Ни царапины! – восхитился лысый мужик с бычьей шейей.

– Это не все! – Грег задрал футболку. Указав пальцем на лысого, велел: – Ты! Ткни меня ножом.

Лысый начал отнекиваться, и тогда Грег, не переставая улыбаться, взял его за горло и поднял так, что тот завис над столом. Третий мужчина, на их фоне казавшийся тщедушным и вертким, похожим на хорька, разинул рот.

– Попробуй порежь, Альфредо, слышал, у тебя всегда при себе холодняк, – скороговоркой пробормотал тощий.

– Отпусти... – прохрипел лысый, и Грег разжал пальцы.

Ощутив пол под ногами, Альфредо покачнулся, закашлялся. Чернявый бородач дернулся к нему, чтобы помочь, но зыркнул на босса и поостерегся. Прочистив горло, лысый нагнулся и вытащил из-под штанины хищного вида клинок, но бить не стал. Даже со своего места я разглядел, что оружие отлито из углеродного пластика. Металлодетекторы такие не видят.

Лысый Альфредо огляделся, указал взглядом на парящих сверху дронов, ведущих видеонаблюдение. Из-под купола они выглядели смазанно, как через мозаичное стекло.

– Ничего не увидят, – хмыкнул Грег. – Крисси нас при-

крыла. Давай, смелее! Обещаю, никаких обид, Альфредо! Никаких...

Договорить он не успел: лысый ударил, раздался треск. Грег шумно выдохнул, но не получил и царапины. Я уже все понял, а Альфредо ошеломленно смотрел на обломанный клинок. Брюнетка Марла пьяно хохотнула.

– Дерьмовый у тебя углепластик, – ухмыльнулся Грег. – Ладно, садимся, а то робокопы на нас уже посматривают.

Он вернулся на место и пристроил блондинку Крисси к себе на колени. Девушка сидела с непроницаемым выражением лица, даже когда Грег, довольный собой, ослабившись, полез ей под футболку, но я как-то ощутил, что она не в восторге. Плевать, это ее выбор связаться с убийцей.

Тем временем Альфредо продолжал тупо смотреть на обломок в своей руке. Чернявый бородач дернул его, чтобы сел.

И только тогда притихшая публика загомонила – удивленно и радостно, как дети после выступления фокусника.

– Моды, – пояснил Грег. – Вы, неудачники, их, похоже, только в кино видели, но у правильных ребят такие штуки не редкость. У меня три. Один на силу, второй – на прочность кожного покрова. Оба – военные образцы, технологии Сидуса.

– Крутяк! Тоже так хочу! – восхищенно воскликнул маленький, похожий на хорька парень. – Грег, я с тобой!

– Я тоже! – воскликнул бородач.

Лысый Альфредо молчал, пока все не устали на него, ожидая ответа. Грег вопросительно кивнул:

– А ты?

– Что делает третий? – поинтересовался тот, прищурившись. – Ты сказал, что у тебя три мода.

– Узнаешь в свое время, – подмигнул Грег. – Если заслужишь доверие.

– Ладно, – кивнул Альфредо. – Я в деле. Есть только одно условие...

Что за условие он хотел поставить, я не услышал: все динамики космопорта взорвались трелью, а после – голосом диктора:

– Вниманию вылетающих пассажирским космолайнером AKS-281 на Цереру! Объявляется посадка на орбитальный шаттл в терминале DS-27. Сначала проходят пассажиры первого класса, а также граждане высших категорий...

Ирвин Горовиц, молчавший все время, пока Грег Голова демонстрировал силу, начал вставать, но я его остановил:

– Пойдем последними, Ирвин.

– Вместе? – радостно поинтересовался тот. – Это значит, что я могу на вас рассчитывать?

– Будем держаться вместе, если хотите. Но должен предупредить...

– Что?

Я ответил не сразу, смотря на отражение в очках и провожая удаляющуюся компанию уголовников.

– Думаю, со мной вам придется сложнее, чем одному, – наконец сказал я.

– Это почему?

– Потому что мне очень не понравился Грег Голова. Этот человек – убийца, на нем десятки жизней. Хотите спокойного полета – оставайтесь одиночкой. Будете со мной – обязательно влипнете в неприятности.

– Я немолод, но старческим маразмом не страдаю, – сказал Горовиц. – Понимаю, что условия на Церере мало отличаются от тюремных и порядки там наверняка такие же. Слабых будут доить досуха. Поэтому никто не возвращается из Пояса – не на что. Я правильно понимаю, что вы не подчинитесь этим людям? – Он кивнул на компанию Грега Головы, которая, шумно расталкивая остальных, пробивалась к воротам на посадку.

Я вспомнил Микки, которой обещал вернуться богачом, посмотрел на ее подарок – хомяка, переставшего крутить колесо и вроде бы покачавшего головой, – и ответил:

– Ни за что.

Глядя под ноги, Ирвин пожевал губами, мотнул головой, уставился мне в глаза и твердо сказал:

– Проблем я не боюсь, а вот человеком остаться хочется. Я с вами.

Глава 5. Три варианта

Нам с Ирвином досталась худшая каюта из возможных: возле отсека биологических отходов. Зато повезло в другом: в трехместной каюте мы были вдвоем.

Дольше всего приспосабливались к невесомости. Привыкнуть к ощущению, что желудок переворачивается вверх дном, было тяжело даже мне. Вместе со скафандрами нам выдали ботинки с магнитной подошвой, но помогали они слабо, так как ходить в такой обуви без навыка непросто. Впрочем, у хомяка Тигра не было и такой, а потому все его попытки покрутить колесо заканчивались метаниями тушки по клетке, разъяренным писком и бешеными попытками добежать до опоры по воздуху.

Тигр никогда не сдавался, а вот Горовиц, не освоив магнитные башмаки, почти весь полет пролежал, покидая каюту только по нужде. У него пропал аппетит, а весь кураж, как оказалось, вышел вместе с остатками спиртного, выпитого в космопорте. Ирвин был подавлен и не стремился к общению, а я не настаивал. Так и летели, обмениваясь за день буквально десятком-другим слов.

Тринадцатый день полета ничем не отличался от предыдущих: начался как обычно и обещал быть последним.

Все дни были как под копирку. Менялись лишь темы разговоров с Ирвином и кормежка. Назвать подава-

емую в кают-компании еду блюдами было бы слишком громко, так как нам приносили обычные питательные батончики и стандартные космические пайки. Хорошо хоть, вкусов на выбор было с полсотни: от жареной свинины в кисло-сладком соусе до тайского острого супа. Понятно, что ни мяса, ни овощей пайки не содержали, лишь стопроцентную синтетику. Зато бесплатно. Первая Марсианская компания держала обещание.

Загадочные символы больше не появлялись, словно Предтеч или кого-то там еще, из-за кого у меня в голове поселился собственный, пусть и глючный, нейроинтерфейс, устроило, что подопечный перестал сидеть сложа руки.

В первые дни полета я много читал. Изучал материалы по Сидусу, ломал голову, что из них выдумка, а что реальность. Удалось выяснить про силовые моды, какими хвастал Грег Голова. Оказалось, что хорошие моды на Землю не попадают, потому что в этом нет смысла – их можно активировать только на Сидусе. Так что, скорее всего, примочки Грега из разряда самых дешевых. Такие работают нестабильно и малоэффективны в реальном бою.

На третий день я рьяно взялся за подготовку к будущей карьере космического шахтера, с утра до вечера читая материалы в локальной сети космолайнера. Первая Марсианская обеспечила сотрудников всей информацией: от технологических процессов добычи ресурсов до подробного руководства по выживанию в открытом космосе.

Впрочем, судя по поведению соседей по отсеку, эти материалы никому не были интересны: сутками напролет народ пьянствовал, веселился и активно знакомился. Я лично был свидетелем того, как один мужик за время полета сменил четырех женщин, и с каждой, казалось, у него развились бурный роман и любовь до гроба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.